

АЛИСА ЛУНИНА

О чем говорят
женщины

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2022

Лучшее
произведение
в жанре
«любвные романы»

Литрес

Современная проза (Алиса Лунина)

Алиса Лунина

О чем говорят женщины

«Алиса Лунина»

2021

Лунина А.

О чем говорят женщины / А. Лунина — «Алиса Лунина»,
2021 — (Современная проза (Алиса Лунина))

Героини нового романа Алисы Луниной — не дамы с Рублевки, не феминистки-иностранки, а самые что ни на есть среднестатистические русские женщины под сорок, замотанные работой и бытом: мужьями, детьми, любовниками. Разбитная журналистка Ляля Точкина, сдержанная администратор ресторана Ева Королёва, застенчивая иллюстратор Таня Киселёва, рассудительная певица Лена Морозова – разные и одинаково сильные женщины. У каждой из них за плечами свой путь, состоящий из маленьких радостей, больших печалей, ошибок и разочарований. Но их объединяет настоящая мушкетерская, пронесенная сквозь годы, дружба; уникальная, присущая всем русским женщинам способность возрождаться птицей феникс из любых сложных ситуаций, и вера в то, что жизнь – вопреки всему – всегда продолжается! О чем говорят женщины, о чем они плачут, о чем мечтают, в чем заключается это пресловутое «женское счастье»? Эта книга – современная энциклопедия жизни русской женщины – и ее же психотерапия, а также исповедальный разговор автора с сестрой или подругой.

Содержание

Пролог	5
Часть 1	11
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	24
Часть 2	30
Глава 1	30
Глава 2	36
Глава 3	45
Часть 3	51
Глава 1	51
Глава 2	57
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Алиса Лунина

О чем говорят женщины

Роман

Пролог

31 декабря 2016 год
Москва

Услышав старую любимую мелодию, некстати раздавшуюся из телевизора, Лена застыла у стола с блюдом мандаринов в руках и едва сдержала слезы. Ничего удивительного – тридцать первого декабря мы все какие-то расслабленные, размягченные, немного сентиментальные идиоты в масштабах страны.

Лена подошла к окну. Москва, принаряженная к Новому году с купеческим размахом, бурлила надеждами на мифическое новое счастье, переливалась огнями. По городу сновали ошалевшие от новогодней суеты люди, спешившие завершить последние приготовления к празднику. У Лены тоже оставались кое-какие незавершенные дела – нужно было все окончательно подготовить к приходу подруг. Лена с любовью – все-таки приятно побыть персональным Дедом Морозом для любимых людей! – разложила под елкой подарки. Три подарка для трех совершенно разных барышень, Лениных лучших подруг.

Для подружки Оленьки, натуры легкомысленной, Лена приготовила комплект красивого белья, для раскрасавицы подруги Евы – косметику и духи, а вот подарок Тане, третьей подруге, Лене пришлось тщательно поискать. Потому что художник-иллюстратор детских книг Таня Киселёва – барышня серьезная. Ни косметика, ни кружевные комплекты белья ее не интересуют. Татьяне бы подарить глубокое ретро, советскую еще «Библиотеку всемирной литературы», все двести томов, и было в самый раз. Сидела бы наша Таня с очередным пухлым томом в окружении двух своих дворняжек (у Тани псы в стиле «домино»: черно-белый и бело-черный) и почитывала бы книги. В итоге за подарком для Тани Лена отправилась в книжный магазин, где и купила три роскошных издания по искусству. «И дополним еще дисками с классической музыкой для таких одухотворенных натур, как моя Киселёва».

Заботливо разложив подарки под елкой, Лена закинула в холодильник пару бутылок просекко. К приходу гостей все было готово. Ах да, надо бы переодеться! Тем более что она купила новое платье – красивое, голубое, под цвет глаз.

Надев обновку, Лена подошла к зеркалу, придирчиво оглядела себя. Из зазеркалья на нее смотрела высоченная брюнетка с голубыми глазами и далекой от идеала фигурой. «В принципе, еще ничего, не все потеряно, – усмехнулась Лена, – вот только морщинки, появившиеся за последние несколько лет, будем честны, эту женщину не украшают. Но тут уж ничего не поделаешь, такое количество выплаканных слез никому не идет на пользу».

Лена взглянула на часы. Старого года оставалось на доньшке. Говорят, что Новый год – это такая жизненная верста, зарубка на стене, по которой удобно мерить время. «Жизненная дорожная верста? – улыбнулась Лена. – А что-то сбилась ты с пути, мать! Заплутала в своих верстах!»

За окнами шел сильный снег. Москва тонула в новогодней метели.

«Ну что же – еще один год прошел, – вздохнула Лена. – Еще один год без Андрея...»

Да, уже пятый Новый год Лена встречает без Андрея. В обществе самых близких подруг: Татьяны, Евы и Ляли.

Раньше Новый год встречали порознь: Ева проводила праздник дома с мужем и сыном, Ляля с очередным любовником, Таня с матерью, а Лена с Андреем и его друзьями. Потом все изменилось: Ева развелась, Танина мама умерла, а в Лениной жизни не стало Андрея. Такая вот история, совсем не для новогоднего вечера.

Невеселые мысли прервал дверной звонок. Лена бросилась в прихожую встречать подруг. Квартира наполнилась смехом, веселой суетой.

Наконец Ленины гости собрались в гостиной перед накрытым столом.

Итак, их женский квартет вот уже почти без малого двадцать лет играют: хозяйка дома – певица Лена Морозова, журналистка и обозреватель светской хроники Ольга Точкина, художник-иллюстратор детских книг Татьяна Киселёва и красавица Ева Королёва – искусствовед по образованию, а ныне администратор ресторана.

Самой яркой из них всегда считалась Оля Точкина. Оля (впрочем, подруги зовут ее Лялей) и сейчас сверкала, как новогодняя елка. Копна рыжих кудрявых волос, золотое, в какой-то чешуе платье, да еще с мощным – до уха – разрезом! Такую и в толпе не пропустишь! Добивала окружающих Лялькина неизменная красная помада.

Глядя на Лялю, Лена улыбнулась – на ее вкус этот «миллион оттенков яркого» выглядел немного вульгарно, с перебором, но... это же Лялька! К тому же ей положено «звездеть».

Если бы Лялю можно было определить одним словом, то этим словом было бы определение «бедовая». По части создавать себе приключения Ляле нет равных. Она как магнитом притягивает к себе неприятности и сомнительных «кавалэров». Обозреватель светской хроники Точкина – девушка-фейерверк в смысле своей огнеопасности. Ляля зажигает по полной – где скандал, там и она. Причем Ляля не только пишет про скандалы, она их еще и мастерски создает, иногда на ровном месте.

Кроме обзоров светской жизни, Ляля помешана на инстаграме. Точкина – заядлая инстаграмщица – пишет статейки на женские темы: о сексе, об отношениях полов, о красоте. Вот и сейчас Ляля сразу завертела телефоном. Чокнутая блогерша – и так себя сняла, и с этого ракурса.

«Разве что на люстру не залезла!» – удивилась Таня Киселёва, наблюдая за Лялиными манипуляциями.

Если бы можно было в принципе представить двух абсолютно разных женщин, то это были бы Ляля Точкина и Таня Киселёва.

«Как север и юг, как арбуз и свиной хрящик, вот такие мы с Танькой разные!» – приговаривала Ляля.

В отличие от Ляли, разбитной, веселой уроженки юга, Таня была коренной москвичкой из интеллигентной семьи художников. Застенчивая Таня и Новый год не сочла достаточным поводом для того, чтобы как-то себя приукрасить – простое синее платье, гладко забранные назад волосы. А ее хорошее, очень русское лицо не было украшено ни граммом косметики.

Глядя на подругу, Ляля (рыжая еще тот провокатор!), всплеснув руками, заголосила:

– Тань, ты где такое платьишко оторвала? Секонд-хенд устроил распродажу? Слушай, можно я тебя сфотаю для поста о том, как нельзя одеваться?

Таня поджала губы, но сдержалась.

– А-ля натюрель, – покачала головой Ляля. – Татьяна Владимировна, вы в своем репертуаре!

Таня спокойно кивнула: в своем, да.

Впрочем, все эти культурные различия не мешали Ляле с Таней дружить и любить друг друга. Хотя и ссориться временами они им тоже не мешали.

Надо сказать, что наши четыре барышни вообще были очень разными. Разные характеры – разные судьбы.

Если за яркость в этом квартете отвечала Ляля, за ум, честь и совесть – Таня, самой рассудительной и спокойной из подруг считалась Лена, то самой красивой в их женсовете была Ева. Бывают такие женщины, которых природа нагружает тяжелым грузом ответственности в виде незаурядной внешности, и в их случае действительно «быть женщиной – великий шаг, сводить с ума – героизм». Ева от природы была классической красавицей, без каких-либо компромиссов в виде отдельных недостатков. Как Елена Троянская, или богиня Гера, или Анджелика Джолли.

Это была женщина из тех, что раз увидев, никогда не забудешь. Классическая блондинка, между прочим, натуральная. Огромные серо-голубые глаза, большие губы, точеная фигура изящной лепки, короче, совершенно невероятный экземпляр. И подать себя Ева умеет – всегда ухоженная, одета с иголочки, с шиком и вкусом.

Однако же дары фей, выданные девочке при рождении, в Евином случае на красоте и закончились, потому что жизнь у Евы, несмотря на блестящие внешние данные, оказалась сложная. Ну да «не родись красивой...». Впрочем, об этом позже.

Итак, четыре совершенно разные женщины. И единственное, что их объединяло, как они сами, смеясь, говорили, была культура. Подруги даже на общих застольях поднимали традиционный тост «за культуру!», что в их жизненной истории означало «за дружбу!».

Их действительно когда-то в юности объединила культура, потому что все четверо были «культурные», в смысле, учились в одном институте культуры, только на разных факультетах. Лена – на факультете музыкального искусства, Ляля – на массмедиа, Таня – на факультете культурологии, а Ева на искусствоведческом.

Именно в институте их и свела судьба. Сначала, оказавшись соседками по комнате в общежитии, познакомилась Лена с Лялей. Обе были приезжими. Ляля из Краснодарского края, Лена из Красноярского. В случае Лены и Ляли сошлись север с югом, но при всей разности темперамента и характеров барышни отлично поладили. Спокойная, основательная Лена, веселая, разбитная Ляля – дружба навек.

Несмотря на присущую Точкиной легкомысленность и способность влипнуть в дурацкие ситуации, Лена полюбила ее за легкий нрав, смешливость и доброту. Точкина хоть и была без царя в голове, но подкупала своей искренностью и обаянием. Рыжая Ляля – душа нараспашку – везде была заводилой компании. Даже в самые мрачные дни Ляля умела рассмешить Лену и зарядить ее своим неиссякаемым, поистине южным оптимизмом. Сама Ляля говорила о себе, что им там, на юге, при рождении делают прививки солнца и радости.

Они обе были дурочки-провинциалки, понаехавшие покорять Москву, а Москва учила их уму-разуму, была нещадно в самые больные места и слезам, ой, не верила! Но за битого дают двух небитых провинциальных дур! Барышни не сдавались – сказывались северная и южная закваска, жизнестойкость и оптимизм. Тем более что приехали они в Москву не просто так, а, между прочим, с талантами или с убежденностью в их наличии. Лена полагалась на свой певческий талант, а Ляля намеревалась стать известной писательницей или, на худой конец, журналистом центральных изданий.

Чуть позже Лена познакомилась с Таней Киселёвой, которая подрабатывала в институтской библиотеке. Лена ходила к Тане за книгами, так они и подружились.

Лена как-то сразу безоговорочно полюбила милую, застенчивую, немного неуклюжую Таню. Потом Лена с Таней «поделились» подругами: Лена познакомилась с Лялей, а Таня привела в компанию свою подругу Еву Королёву. Так они стали дружить сообща. Четыре – идеальное число для дружбы, как у мушкетеров.

Между тем время было веселое; бывало, за две недели до стипендии у барышень заканчивались деньги, ну, то есть их даже на метро не хватало, а на еду тем более. Если очень везло,

деньги заканчивались за неделю до стипендии, и это был идеальный вариант – подумаешь, всего-то семь дней протянуть!

В отличие от Лены и Ляли, Таня с Евой были столичные барышни. У Тани имелась своя квартира в центре, где в основном и зависали подруги. Таня подкармливала Лену с Лялей, старалась их как-то поддержать. Ляля подкидывала подругам шмотки, которые где-то доставала. И все подруги помогали Еве, у которой был маленький сын.

Они были молоды, преисполнены радужных надежд, и они были вместе. С тех пор они стали друг для друга почти что семьей.

...Пока Лена накрывала на стол, Ляля – городской «Декамерон» и поручик Ржевский в одном аккаунте- тараторила что-то в своей манере: абсолютно бессмысленно, но бойко. Ева посмеивалась над Лялиными байками, Таня смотрела на Лялю с неодобрением (пошлости художник Киселёва не любила ни в каком виде).

Флюиды недовольства, источаемые одухотворенной Киселёвой, дошли до Ляли, и она с вызовом спросила:

– Ну? Что не так?

Таня пожала плечами.

– Тебе, вообще-то, полезно было бы послушать! Я, между прочим, дельные вещи говорю! – фыркнула Ляля. – Ох, Таня, пора мне тобой серьезно заняться!

– В каком смысле? – поперхнулась Таня.

– В новом году займусь твоей внешностью, гардеробом и твоей личной жизнью! – обнадежила подругу Ляля.

– А что со мной, по-твоему, не так? – вздохнула Таня.

– Ну... – Ляля замялась, – тебе бы вот огня побольше!

– Огня? – переспросила Таня.

– Такой, знаешь, чертовщинки, чтобы из тебя энергия перла, скрытый огонь желания! Смотри: плечами повела, глаза прищурила, и будто волны пошли! – Ляля изобразила какую-то обезьянью приманку. – Сексапильность! Вот чем должна обладать женщина! Что такое сексапильность, знаешь?

– С точки зрения этимологии это призыв к сексу! – усмехнулась Таня.

– Совершенно верно! – кивнула Ляля. – Извини, но я за тобой что-то не замечала, чтобы ты призывала окружающих вступать с тобой в сексуальные отношения.

Таня рассмеялась:

– И слава богу!

– Тут не смеяться, а плакать надо! – взвилась Ляля. – В тебе никакой сексуальности! А твой внешний образ...

– А что мой внешний образ? – Таня перестала смеяться.

– К примеру, возьмем твою одежду! Между прочим, это твой дресс- код, сообщение о себе, которое ты посылаешь миру! А что ты сообщаем окружающим своим унылым облачением? – фыркнула Ляля. – Я – тридцатилетняя дама с неустроенной личной жизнью, без всяких перспектив ее наладить, я проживаю жизнь от зарплаты до зарплаты, я живу с двумя собаками, и они дворняги, такие же страшные, как моя судьба!

Лена, заметив, что у Тани задрожали губы, едва сдержалась, чтобы не запустить в Точкину салатницей.

– Ляль, не надо за меня переживать, я как-нибудь сама разберусь! – сказала Таня.

– Да знаю я, как ты разберешься! – Ляля усмехнулась. – Это мы еще тему Димы Динамо не затронули!

Таня побледнела:

– Вот эту тему прошу не затрагивать. Не надо про Диму. Мы расстались, и все. Не надо ворошить.

– До сих пор не можешь его забыть? – уточнила Ляля.

Таня помолчала, потом твердо ответила:

– А я не хочу его забывать. Зачем? Возможно, он – лучшее, что было в моей жизни.

– Таня, но он причинил тебе столько боли?! – не сдержалась Лена.

– Лучшее, что было в твоей жизни?! – возмутилась Ляля. – Да он тебе всю жизнь испортил! Причем я с самого начала знала, что...

Таня пожала плечами:

– Можешь не продолжать. Знаешь, есть такая фраза: «Глупо думать, что кто-то другой может сделать нас счастливыми или несчастными!» Так сказал Будда.

– Вот надо было не Будду, а меня слушать! – с апломбом заявила Ляля. – Я тебе еще десять лет назад сказала, что твой драгоценный Дима из себя представляет!

Ева неодобрительно посмотрела на Лялю: вы что-нибудь слышали про такт и деликатность, Ольга Александровна?

Но Ольга Александровна, она же Ляля, она же блогерша Точка, продолжила «заботиться» о Тане в своей бесцеремонной манере:

– Я сразу сказала, что твой Дима – метро «Динамо»! Будешь с ним по кольцевой ездить туда-сюда и никуда не приедешь! Ну? Так и случилось?

А вот это уже был запрещенный прием. Таня задохнулась, как от боли, вскочила и понеслась в прихожую.

– Эй, ты куда? – растерялась Ляля.

– Точкина, я тебя когда-нибудь убью! – прошипела Ева.

В прихожей хлопнула входная дверь.

– Ушла! – вскрикнула Лена.

Ева с Леной бросились вслед за Таней.

– Таня, вернись, – отчаянно прокричала Лена в пустоту, свесившись в проем лестничной клетки.

Ей никто не ответил.

Лена с Евой вернулись в гостиную, где сидела притихшая расстроенная Ляля.

– Вот зачем ты к ней прицепилась? Тебе этих твоих подписантов мало? Их бы и учила жизни! – вспылила Ева.

– Так нельзя, девочки! – виновато заерзала Ляля. – Я одна ей говорю правду. Киселёва же вообще на себя рукой махнула. Сначала лучшие годы потратила на этого Диму Динамо, а теперь вообще живет, как будто она на пенсии. Ее даже нет в социальных сетях. Вообще. Представляете?! Человек – ноль подписчиков! Как ни крути, это диагноз!

– И что с того, что нет в соцсетях? – усмехнулась Ева. – Я тоже там не бываю – некогда, знаешь ли, работаю аки пчела. Да и вообще – не всем же быть блогершами?!

– Ну так она и дальше будет дружить со своими собаками! – пожала плечами Ляля.

– Да оставь ты ее! Пусть дружит с кем хочет! – отрезала Ева.

Ляля заплакала:

– Так я же хочу как лучше. Я из любви к ней!

– О, вот из благих побуждений, как известно, и творят самые жуткие вещи на свете, – заметила Ева, – короче, оставь Таньку в покое.

Лена вздохнула:

– Вот где она сейчас? Новый год через пятнадцать минут! Ведь она даже домой до полуночи не сможет добраться. А как встретишь Новый год, так его и проведешь!

Ляля заметалась по комнате, по-видимому, отчаянно переживая. Она подбежала к окну и вдруг увидела в освещенном фонарями сквере, напротив Ленинского дома, знакомую фигуру. Таня сидела на лавочке и плакала.

Ляля бросилась к дверям. Лена только и успела, что натянуть на нее свою шапку. И Ляля, в платье и туфлях, ринулась в подъезд.

– Да хоть пальто надень! – крикнула Лена.

Но какое там! Ураган с женским именем Ляля уже умчался прочь.

Лена видела из окна, как Ляля в своем феерическом платье с блядским разрезом до уха бежала через сугробы. В какой-то миг Точкина поскользнулась, упала в снег и, видимо, порвала платье, потому что оно треснуло на ней окончательно. Ленина шапка с помпоном в комплекте с этим платьем смотрелась на Ляле феерически. Какой-то старичок-пенсионер, выгуливающий таксу, даже отшатнулся от странноватой рыжей гражданки, а его таксик недовольно затыкал.

Ляля бросилась к плачущей на лавочке Тане и обняла ее.

– Ну что там? – спросила Ева у Лены, не вставая с дивана.

Ева устала – прошлая смена у нее была рабочей; увы, в ресторанной индустрии новогодние дни самые жаркие. Три дня подряд в ее ресторане отмечали корпораты, и Ева вообще не высыпалась.

– Мирятся, – предположила Лена, – о, точно мирятся!

Ляля прижала Таню к себе, как драгоценность, и облобызала ее, отчего Танино лицо мгновенно стало напоминать сплошной мольберт.

Лена высунулась из окна и закричала:

– Да давайте быстрее, дуры! Новый год, Новый год же! Не успеем!

– Успеем, девушка! – ответили Лене гогочущие подростки, проходившие под окнами. – С наступающим!

Ляля с Таней ворвались за пять минут до Нового года. И вот так – Таня в шубе, перепачканная помадой, Ляля в рваном заснеженном платье – взволнованные подруги взметнули бокалы и закричали «ура-ура!». Часы пробили полночь, и начался отсчет нового времени.

– Успели, – выдохнула Ева, – с Новым годом всегда такая штука, вы заметили? Кажется, что не успеешь, но всегда успеваешь, да?

– Д-а-а-а, – замычали барышни под просекко и вкуснейшие Ленины салаты.

А потом они выпили за наступивший год и «за культуру!».

И вот уже далеко за полночь, когда наступил самый душевный час, когда подруги немного устали и переместились из-за стола на широченный Ленин диван, Таня вдруг спросила:

– А помните, как мы встречали две тысячи пятый год? Двенадцать лет назад! Как давно это было! И ты, Лена, пела «Чайку с розовым крылом»?

Лена улыбнулась:

– Да, кажется, это было сто лет назад. Какие мы были молодые, счастливые! А теперь... чайка с розовым крылом сломала крылья.

Часть 1

Чайка с розовым крылом

Глава 1

31 декабря 2004 год
Москва

Тот Новый – две тысячи пятый – год подруги отмечали у Тани Киселёвой. Барышни смеялись, танцевали, а Ляля ближе к полуночи совсем разошлась: стала призывать всех пить шампанское, как гусары, и попыталась забраться на стол, чтобы сплясать там канкан. Впрочем, ее буйство быстро пресекли Лена с Евой, строго напомнив подруге, что в приличных домах (а родители Тани – московские художники- иллюстраторы в нескольких поколениях – являли собой образец интеллигентной семьи) на столах не пляшут.

За полночь девушки уgomонились, но расходиться по домам не спешили – пили чай по третьему уже, кажется, кругу и пели песни. Запевала, конечно, Лена, а девчонки подпевали. А потом Танина мама, Наталья Антоновна, попросила Лену спеть сольно. Лена не заставила себя упрашивать – мгновенно отозвалась и затянула любимую песню «Чайка с розовым крылом». Когда Лена допела свою «Чайку», Танина мама заплакала: «Надо же, какая ты, Лена, талантливая, поешь так, что за душу берет!»

...«Чайка с розовым крылом» была любимой песней Лениной бабушки Раисы. Бабушка Раиса – высокая, грузная, седая как лунь – была знатной певуньей. Голос у бабушки был низкий, сильный – послушаешь и не скажешь, что поет женщина. Муж Раисы, дед Михаил, даже шутил про жену, что та поет, как волчица воеет. Бабка Раиса любила сама придумывать песни: пела о том, что видит, о чем думает; этакий диалог с миром. Ее песни могли быть целой историей о превратившейся в чайку девушке-долганке и о ее парне, который ходит по свету и ищет возлюбленную, а могли состоять из одной фразы или даже слова. Особенно Лена любила бабушкины колыбельные – длинные, завораживающие. «Видишь, дочка, с севера к нам идет метель, скоро она будет здесь – заметет лес, дорогу, реку, наш дом. Будет снежно – до самых звезд, и до весны мы будем спать под снегом...»

От бабки Раисы Лена узнала о том, что их семья принадлежит к редкой народности долганов. Девочка увлеченно слушала бабушкины рассказы об истории своего народа и о своем прадеде – шамане, чьи заклинания были похожи на песни. Благодаря бабушке Лена с детства знала фольклор, в том числе песни народов Севера, которые могли состоять из одной фразы или только из мелодии.

В шесть лет маленькая Лена тоже запела, и с того дня они с бабушкой заводили песни на два голоса. Причем голос у Лены обнаружился сильный, низкий – в бабу Раису. «Еще одна! – сокрушался дед Михаил, – не голос, а иерихонская труба!» А Лена была рада такому сходству с любимой бабушкой, поскольку бабушку свою обожала и во всем старалась ей подражать. Именно бабка Раиса заменила Лене мать, после того как та, оставив свекрови трехлетнюю Лену на попечение, уехала из их маленького городка на Крайнем Севере в Красноярск.

Кстати, через двенадцать лет после этого бабка Раиса отправит Лену на каникулы в Красноярск – увидеться с матерью, однако ничего хорошего из этой встречи не выйдет. Лена встретится с матерью, узнает, что та вышла замуж, родила троих детей, и поймет, что в жизни этой

чужой женщины для нее места нет. После чего, не дожидаясь окончания каникул, Лена уедет домой, к бабушке с дедушкой. Больше Лена со своей биологической матерью никогда не встретится и настоящей матерью всегда будет считать бабушку Раису.

Лена проживет в любви и заботе своих стариков до шестнадцати лет, а потом ее мир перевернется – сначала уйдет из жизни дед Михаил, затем через полгода угаснет, словно устав от жизни, бабушка Раиса. После смерти родных Лена останется одна. И неизвестно, чтобы с ней стало, если бы не помощь Лили – Лилии Евгеньевны Островской, руководителя хора, в котором Лена пела с восьми лет.

Детский хор был приписан к местному дому культуры. Правда, хор – громко сказано. В небольшом городке Красноярского края, где жила Лена Морозова, была лишь маленькая хорошая студия, в которой занимались шесть девчонок разных возрастов, обладавших не бог весть какими певческими талантами. Лилия Евгеньевна Островская вкладывала в свой маленький коллектив всю душу – сама аккомпанировала девочкам на рояле, выбирала репертуар, включая в него, помимо русского фольклора, этнические песни Севера, возила своих подопечных на фестивали в другие города и относилась к девочкам с материнской теплотой.

Лилия не оставит Лену и в самый сложный период – она будет поддерживать ее и когда заболеет бабушка Раиса, и потом, после смерти бабушки и дедушки. После похорон бабушки Раисы Лилия придет за Леной в опустевший дом и категорично скажет: «Собирайся, будешь жить у меня! И тебе веселее, и мне. Скрасишь мое одиночество, а то я уже одичала, по вечерам, ввиду отсутствия других собеседников, разговариваю со своей кошкой...»

Год до окончания школы Лена проживет у Лили, и за это время они очень сблизятся. Невысокая, тоненькая, энергичная Лилия Евгеньевна – неизменная мальчишеская стрижка, серые глаза за толстыми стеклами очков, богатый внутренний мир, полное отсутствие личной жизни и фанатическая любовь к писателю Чехову. В этом маленьком городе, затерянном в Сибири, Лилия казалась чуть нездешней. Лена как-то подумала, что ее преподаватель похожа на одну из трех сестер из пьесы обожаемого Лилей Чехова, а может – на всех сразу. Лена знала, что Лилия – из семьи репрессированных, что Лилиного деда, коренного петербуржца, когда-то сослали в здешние широты по «политической статье» и что после освобождения отца семейства Островские так и остались в Красноярском крае – в сердце Севера.

Лилия часто рассказывала Лене, что много раз, особенно в юности, она думала уехать отсюда куда-нибудь в большой город, в Москву, например, однако всякий раз ее что-то останавливало. «Должно быть, страх, неуверенность в себе, – признавалась Лилия, – да и сказывалась привычка – вся жизнь здесь прошла! Как уедешь?!»

Однако для своей любимой ученицы Лилия хотела другой судьбы. Незадолго до окончания Леной школы Лилия стала уговаривать воспитанницу поехать поступать в Москву. «У тебя редкий, сильный голос и настоящий талант. А человек приставлен к своему таланту. Ты должна учиться, Лена, развивать свой талант, служить ему». Лилия говорила, что в московском институте культуры преподает ее давняя знакомая, которая будет опекать Лену.

И вот наконец выпускные экзамены были сданы, Лена получила аттестат зрелости, и Лилия купила ей билет в Москву. Лене было тяжело уезжать со своей маленькой родины, но еще тяжелее оказалось прощаться с Лилей. Так в Лениной памяти и осталось – занозой застряло: они с Лилей стоят вдвоем на перроне. Лилия – маленькая, как-то враз постаревшая, старается держаться, но Лена видит, что ей это дается с трудом. «Обещай, что будешь звонить, писать!» – кричит Лилия, когда поезд трогается.

Лена сдержит обещание; даже погрузившись в шумную, суетливую столичную жизнь, она свою Лилечку не забудет – будет и звонить, и писать, а после окончания второго курса поедет на родину – проведать Лилю.

Кстати, Лилия и в Москве помогала Лене, ее помощь была неоценимой, особенно в первый год, когда Лена отчаянно тосковала по дому. Благодаря Лиле Лена поняла, что мы – это

прежде всего люди, сыгравшие в нашей жизни судьбоносную роль, люди, в которых мы потом отражаемся. Если бы не Лиля Островская, Лена, наверное, так и не решилась уехать в Москву и осталась на Севере. И как знать, как бы сложилась ее судьба.

1 января 2005 год
Москва

От Тани Лена с Лялей возвращались уже под утро, через весь зимний, снежный город. Съемная квартира, которую Ляля с Леной снимали в ту пору, находилась на окраине Москвы, и пока девушки от метро добрели до дома, Ляля совсем замерзла. Ляля, уроженка юга, вообще все время мерзла в Москве, чему Лена искренне удивлялась. После Севера с его бесконечной зимой Москва совсем не казалась Лене холодной.

Когда барышни добрались до дома, Ляля первым делом легла отогреться в горячую ванну. Лена же позвонила Лиле, чтобы поздравить ее с Новым годом и поделиться секретом. Лена рассказала Лиле, что три дня назад она проходила кастинг в ансамбль певицы Глебовой.

– Веры Глебовой? – ахнула Лиля. – Вот это да! Тебя взяли?

Лена сникла – ответа от Веры до сих пор не было.

– Возьмут, – уверенно сказала Лиля, – вот увидишь! С твоим-то голосом!

Лена вздохнула – эх, если бы!

Окончив в прошлом году институт культуры, она отчаянно искала работу, однако все как-то не складывалось. Пока ей приходилось работать в ресторанах и клубах, страдая от вульгарного репертуара и жующей публики. И хотя платили Лене неплохо, исполнять в сотый раз тягомотину про «погоду в доме» уже не было никаких сил. В конце декабря, узнав о том, что известная на всю страну исполнительница фольклорных песен Вера Глебова проводит кастинг в свою группу, Лена галопом понеслась на прослушивание.

Вера Глебова была звездой. Примой. Со всем отсюда вытекающим. Яркая, взбалмошная, характер – во! Голосище – во! Про Веру говорили, что, если попасть ей под горячую руку, она может так отходить, что мало не покажется, но при этом Вера своих музыкантов не бросает – помогает всегда и во всем. Глебову и боялись, и любили. В своей группе Вера была центром вселенной, а все остальные музыканты – крошечными планетами, вращающимися вокруг безусловного солнца, причем такая астрономия всех участников коллектива устраивала. Под Веру писались песни, создавались концертные программы, и зрители шли на концерты из-за Веры.

В зал, где проходило прослушивание, Лена вошла на полусогнутых ногах, задыхаясь от страха. Глебова сидела в кресле, как царица на троне – вот еще скипетр в руки и будет вылитая самодержица! Лена совсем оробела, стояла, переминаясь с ноги на ногу, в горле все пересохло. Взгляд у Веры недобрый, в глазах колючие льдинки, в уголках губ – ядовитая усмешка. Внешность у самодержицы тоже царственная. Вера – полная, статная, этакая роковая красавица: фарфоровая кожа, тяжелые медные волосы, соболиные брови, темные очи. Кстати, возраст Глебовой оставался для всех тайной за семью печатями, в ход шли разные версии, поговаривали, что ей сорок с приличным гаком (но «как» мог вместить в себя хотя бы и пару десятилетий). Лена же, изучив Верину биографию и извилистый жизненный путь Глебовой (с Урала до переполненных московских залов), пришла к выводу, что царице все же около пятидесяти.

Посмотрев на Лену как на нерадивую челядь, Вера строго спросила:

– Ну? Чем удивлять будешь?

Лена запела из «Пугачевой».

Вера сморщилась, замахала рукой:

– Не то. Давай что-нибудь... оригинальное!

И тогда Лена спела долганскую «Чайку». Она просто представила Север, бесконечную зиму, тундру, северное сияние, бабку Раису, деда, Лилю, огромные звезды над родным домом. «Чайка, чайка, здесь, на севере, твой дом...»

Веру Глебову удивить было трудно – почти невозможно, однако Лене это удалось. Глаза у Веры потеплели, стали не такие льдистые.

– Это что же? – всколыхнулась Вера. – Откуда знаешь эту песню?

Лена ответила, что это песня народов Севера.

– Ты сама оттуда, что ли? – Вера пригляделась к Лене.

Надо сказать, что Лена отличалась своеобразной внешностью. Девушка была высокой, крупной; волосы темные, как смоль, глаза раскосые, но при этом ярко-голубые.

Лена ответила, что она – долганка по национальности, представитель редкой северной народности. «Нас таких, между прочим, мало».

Вера улыбнулась: «Ну даешь!» – похвалила Лену, но взять в ансамбль не обещала, сказала, позвонит, если что...

Как заклинание, повторяла Лена, возвращаясь с кастинга: «Если что! Если что!» Эх, если бы Глебова ее взяла! Вот это было бы самое настоящее чудо – путевка в новую жизнь. Даже в новогоднюю ночь у Тани в гостях, когда девчонки бросились писать бумажки с желаниями, Лена загадала – попросила у судьбы, чтобы Вера пригласила ее в свою группу. Быстрее, написать на бумажке, сжечь, пепел всыпать в бокал шампанского, да быстрей, Лялька, наливай уже! И под бой курантов, судорожно торопясь – успеть выпить! Уф – успела, теперь можно с облегчением выдохнуть!

И значит, Глебова возьмет ее в ансамбль вокалисткой, возьмет!

Но все же полной уверенности в том, что прима пригласит ее к себе в группу, у Лены не было. Ее одолевали сомнения и комплексы: «А куда это ты, сибирский медведь, на сцену собрался? Тут в Москве и без тебя много своих голосистых!»

Но Лиля – родная, любимая Лилечка! – свято верила в Ленину исключительность. Она тут же принялась горячо уверять Лену, что ее, конечно же (вот даже не смей сомневаться!), Глебова непременно возьмет к себе: «Ты же особенная, Ленка!» И вот эта абсолютная Лилина уверенность в Ленин талант и в ее исключительность неожиданно зарядила Лену несокрушимым оптимизмом.

После разговора с Лилей Лена вдруг почувствовала прилив шальной радости и, не зная, с кем ею поделиться, помчалась к Ляле.

– Извини, я зайду! – Лена влетела в ванную, где в пене нежилась Ляля, и затараторила:

– Слушай, Лялька, я чувствую, что этот новый год станет для меня невероятным! Это будет счастливый год! И много чего произойдет, вот увидишь! Мне кажется, все-все сбудется! Ну что я, зря в Москву из такой дали приехала? И зря я, что ли, Лиле обещала, что стану человеком?

Голая Ляля изумленно посмотрела на Лену и помахала пенной ладошкой:

– Привет блаженным!

Лена с Лялей легли отсыпаться, и в этот же день, первого января, Лену разбудил телефонный звонок.

– Морозова? – спросил женский голос. – Это Глебова. Я беру тебя в группу. Через два дня гастроль в Петербурге. Только учти – чтобы в ближайшие пять лет не беременела.

– Что? – пролепетала Лена, еще не веря в свою удачу.

– Не беременеть, говорю! – хмыкнула Вера. – А то одна курица в декрет ушла, потом другая. А у меня плотный гастрольный график! Вы сначала определитесь, что вам нужно – дети или сцена.

Для себя этот вопрос Вера давно решила. Детей у нее не было. Вся ее жизнь была отдана искусству.

Вера Глебова уже отсоединилась, а Лена продолжала стоять с трубкой в руках. Радость заполняла ее медленно – разливалась по телу какими-то волнами, и вдруг одна из волн этой

самой радости накрыла Лену девятым валом, и Лена заорала своим могучим низким голосом. От счастья.

На Ленин крик из своей комнаты выскочила полусонная Ляля:

– Морозова, ты с ума сошла?

В подтверждение худших Лялиных подозрений Лена вдруг пустилась в пляс. Ляля смотрела на подругу, вытаращив глаза: «Ну так и есть, блаженная!» Выписывая немислимые кренделя, Лена выпалила все невероятные новости.

Услышав про пожелание Глебовой «не беременеть», Ляля усмехнулась:

– Во дает! Крепостное право, что ли?!

Лена махнула рукой:

– Да подумаешь! Я вообще беременеть не собираюсь. Ради искусства можно пойти и не на такие жертвы!

На сборы у Лены был всего день. Перед отъездом Ляля сказала ей, что у нее в Петербурге есть знакомый. «Александр, в Эрмитаже работает. Ты только скажи ему, что ты от Ольги Точкиной, так он тебе – все! И в Эрмитаж сводит!» Лена кивнула – спасибо.

Ранним утром второго января Лена села в поезд до Петербурга.

Глава 2

Январь 2005 год
Санкт-Петербург

В поезде ей пришлось лихорадочно разучивать Верин репертуар – Лена должна была заменить одну из заболевших вокалисток. Однако позже, в Петербурге, выяснилось, что Вера взяла ее большей частью для прохождения «боевого крещения». Ничего особенного от Лены пока не требовали и не ждали. Вера вообще была как-то непривычно расслаблена и гуманна – даже разрешила своим музыкантам провести два дня «в вольном режиме».

Лена обрадовалась, в Петербурге она была впервые – все любопытно, все интересно. В первый же день она позвонила Александру, Лялиному знакомому; поздоровалась, назвала пароль «Ольга Точкина», однако он почему-то не сработал.

– Как вы говорите? – озадачился незнакомый Александр. – Кочкина? Квочкина? Не знаю такой!

Лена, поняв, что Эрмитажа не будет, сникла и уже собиралась вежливо попрощаться.

Однако Александр вдруг добавил:

– А что вы хотели?

Лена пролепетала, что она впервые в Петербурге и хотела спросить, куда здесь можно сходить, что посмотреть. Вот про Эрмитаж, к примеру, узнать...

– Что делаете вечером? – снисходительно поинтересовался Александр.

А что она делает вечером? Да ничего – мается в отеле.

– Ясно. Ну в Эрмитаж вы сами ходите. А сегодня в девятнадцать часов приходите ко мне в галерею, адрес я вам назову. Там открывается выставка интересного художника, моего приятеля. Там и встретимся. Галерея такая-то, найдете? Ну, потрудитесь, голубушка, путеводитель прикупите, что ли...

В галерее у входа ее встретил манерный молодой человек. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что Лена значительно его выше. Об ту пору она стеснялась своего высоченного роста, ей все время хотелось втянуть голову в плечи и стать маленькой и незаметной. Ну ладно, высоченная, так хоть бы изящная – вот и получилась бы вполне себе модель! Так нет же! Лена была другой природы: крупные бедра, широкая кость. Этакий северный медведь. «Медведица!» – с отчаянием думала про себя Лена.

Новый знакомый повел Лену по залам. На ходу она успела заметить своеобразие представленных картин. В одном из залов молодой человек подвел Лену к своим друзьям. Один из них оказался тем самым художником, чьи картины удивили Лену, а второй был откомендован «одаренным физиком, подающим большие надежды». Физика звали Андреем.

Неизвестно, как там обстояло с физикой, но то, что в Ленином нежном девичьем сердце сразу возникли надежды насчет Андрея – это точно. Андрей Сазонович понравился ей сразу. И ослепительная белозубая улыбка, и насмешливый взгляд серых глаз – словом, решительно все в нем показалось Лене прекрасным. Ее не смутило даже то, что Андрей был на голову ниже нее.

Глядя на Андрея, Лена не могла скрыть смущения – краснела, бледнела, улыбалась невпопад и некстати. А потом они вдруг оказались наедине, и Андрей предложил ей прокатиться по ночному Петербургу.

Они катались по ночному городу в его машине. Затем он отвез ее в отель и, прощаясь, предложил встретиться завтра.

– Я завтра не могу, у меня концерт, – вздохнула Лена. – Разве что после концерта.

Андрей удивился:

– Концерт? Вы артистка, поете? А я завтра приду вас послушать!

Назавтра он и впрямь пришел и после концерта встретил ее у служебного входа в концертный зал.

«А хорошо поете! Я прямо заслушался!»

От его слов Лена смутилась, поскольку в этом своем первом гастрольном концерте она и не пела толком, а так – разевала рот, подпевая Вере.

– Это Глебова хорошо поет, а я так... на подпевках.

– А вы мне спойте соло?! – попросил Андрей.

– Прямо сейчас? – растерялась Лена.

Андрей кивнул.

Лена рассмеялась:

– Где-то эта сцена уже была! А, знаю! В одном хорошем фильме есть сцена на разрыв. Героиня поет песню таксисту – случайному человеку.

И вот Лена с Андреем сидели в его машине, она ему пела, а он слушал. Пела долго – он долго слушал. Потом они просто молчали. В тишине были слышны только дворники по стеклу «шорк-шорк» и мягкое шуршание снега, который падал, укутывал город.

Затем снова катались по Петербургу.

Зимняя ночь, снежная Нева. И Лена вдруг поняла, что Андрея она знает давно – тысячу лет.

– Ты разве не помнишь? Мне было десять. А тебе четырнадцать. Ты приезжал на Север на каникулы и рассказывал мне про звезды, про свою мечту стать капитаном звездолета. И я слушала тебя развесив уши! А потом ты уехал, и мое горе было огромным – до неба. И я месяц не могла петь. Знаешь, у меня так – если что-то случается, я теряю голос. Но такое бывало редко – только пару раз в жизни.

Андрей улыбнулся:

– Да, я мечтал стать капитаном звездолета, это правда, но в твоём городе никогда не был. Вообще, на Севере не был ни разу.

– А это неважно, – сказала Лена.

Это и в самом деле было неважно. Просто она знала, что именно Андрей был ее первой любовью. И что они потерялись, а теперь нашлись.

Андрей серьезно кивнул, привлек ее к себе и с силой, какой она в нем и не предполагала, поцеловал ее.

– А жаль, милый, что ты так и не стал капитаном звездолета.

– Зато я стал ученым-физиком и, между прочим, как говорят, подаю надежды в науке.

На его машине они катались по городу до самого утра, и в гостиницу Лена вернулась только под утро. Она уже поняла, что влюблена в Андрея, как кошка. Хотя что она о нем тогда знала? Что он старше ее на четыре года, что он серьезно занимается наукой, защищает диссертацию, что он холост. И что она ждала его всю жизнь.

* * *

Вера Глебова дала еще один концерт в Петербурге, после чего отпустила группу на каникулы и уехала в отпуск за границу. Лена осталась в Петербурге – посмотреть город, погулять с Андреем.

Она рассказывала Андрею о Севере. Андрей – петербургский мальчик – удивленно ее слушал. Для него Россия была Невским проспектом, а тут надо же – Север, сияние.

Как-то он не выдержал и заметил:

– Лена, какая ты красивая! Настоящая снежная королева!

Лена смущенно улыбнулась:

– Правда?

– Да. И эти широкие, крутые бедра, и покатые плечи, и грудь – какой же это размер? Четвертый?! Вот радость мужчины! – усмехнулся Андрей.

Лена тут же запунцовела от смущения.

А Андрей не смущался и откровенно ее разглядывал. Он даже заявил: «Я изучаю тебя как необъяснимое, но исключительно прекрасное явление. Ты очень интересное сочетание атомов!»

В рождественский сочельник Андрей сказал, что Рождество нужно встречать за городом, и повез Лену к себе на дачу.

Большой деревянный дом среди леса, сосны до неба. В доме, кроме них двоих, никого. Обстановка спартанская – ничего лишнего, никакой буржуазности. В гостиной круглый стол, огромные шкафы с книгами, рояль, и вот – прелесть какая! – старомодная свисающая лампа с абажуром и камин.

В камине потрескивали дрова. В окна старенькой дачи Сазоновичей стучался ветер. Андрей принес дрова, разжег огонь, разлил вино.

...Мм, как вкусно. Кажется, нет ничего вкуснее – ломкий, солоноватый сулугуни и терпкое рубиновое вино. Вот только от вина Лену мгновенно повело. Она спросила, чем он ее опоил, что подсыпал?

Андрей рассмеялся:

– Кто же знал, что ты от бокала вина так захмелеешь! Ты что, совсем пить не умеешь?

– Не умею, а что, плохо?

– Не знаю. Не хорошо и не плохо, не умеешь и ладно.

Андрей поцеловал ее запястье, пробежал губами выше, поднимаясь к плечу, шее. От огня и вина по ее телу мгновенно разлилось тепло, а потом – все горячее и горячее, градус кипения повышался до полной невозможности вытерпеть этот огонь, опаливший нутро и особенно – низ живота; там, в какой-то секретной точке, все пульсировало и взрывалось.

Это были совершенно новые, доселе неизвестные Лене ощущения. Можно сказать, что до этого вечера она не знала, что такое настоящая страсть. В свои двадцать четыре Лена уже имела близость с мужчиной, но как женщина она до сих пор не раскрылась.

С девственностью она рассталась на третьем курсе института. Ее любовник был ее сокурсником. Так, ничего выдающегося – парень как парень, наверное, симпатичный, должно быть, неплохой, но ничего серьезного у нее с ним не вышло. А почему – кто его знает? И звезды не загорались, и в груди не ухало... А ведь должно ухать? Пожалуй, должно. Она сошлась с ним от скуки, а может, от страха, что вот ей уже двадцать два, а она все еще девственна. «Ну анахронизм какой-то, Лена!» – ворчала Ляля, которая со своей девственностью поспешила проститься в семнадцать.

И начались любовные свидания в общаге украдкой. Лена с этим парнем сбегала с учебных пар, они шли к ней в комнату и занимались сексом. При этом Лена все ждала, когда она что-то к нему почувствует, но никаких чувств у нее к любовнику не возникало. «А, наверное, я – фригидная», – в итоге решила Лена.

В целом, секс был ей приятен, но представить, чтобы из-за этого люди натурально сходили с ума, затевали войны и шли на преступления, она решительно не могла. Через пару месяцев Лена с тем парнем рассталась и никаких попыток наладить личную жизнь потом не предпринимала, отдавая себя всецело другой страсти – музыке.

И вот сейчас – жар, пламя, и что-то в голове прямо взрывается.

Потом... Какая-то невозможно сладостная истома, руки-ноги отяжелели, а Андрей все целует ее. Надо же, по телу как будто побежали искры, а когда Андрей зашептал ей что-то на ухо, у нее совсем голова закружилась. И полетели к звездам.

А утром полеты закончились. Проснувшись, она увидела рядом спящего Андрея. Ощущение какой-то неловкости: смятые простыни – смятые отношения. Вот же было им так хорошо – прогулки по городу, душевные разговоры, и надо было все усложнить, все испортить!

Она боялась взглянуть на Андрея. Тихо выскользнула в ванную, потом осторожно вошла в комнату – забрать одежду. Андрей уже проснулся – улыбаясь, смотрел на нее. Она вздохнула, смущенно посмотрела на него: ну что, как теперь будем?

Он взял ее за руку: так и будем. Вместе. А потом стал нежно целовать ее руки, и у нее снова пошел жар по всему телу, и они опять летали.

Потом завтракали. Лена подумала, что все, чего она бы хотела от жизни – это засыпать с Андреем, просыпаться рядом с ним и вот так вместе завтракать.

– Кстати, – буднично сказал Андрей ближе к десерту, – приглашаю тебя к себе. Познакомишься с моей мамой.

– А ты уверен, что это нужно? – глупо спросила Лена.

Андрей только улыбнулся – он вообще был уверенным в себе человеком.

...Увидев старый современный дом в центре Петербурга, где жил Андрей с матерью, Лена разволновалась еще больше. Всю дорогу она дрессировала себя, как пуделя, и повторяла, что ей нужно выглядеть естественно и вести себя непринужденно. «Я не должна пытаться понравиться его маме, я вообще ничего никому не должна!»

Однако, когда мама Андрея, вдова знаменитого академика Сазоновича (королева Марго, как звал ее Андрей), открыла им дверь, Лена едва не упала в обморок. Впрочем, и было отчего грохнуться в обморок или сразу истлеть на месте. Дело в том, что дверь Лене открыла Медуза горгона, которая обдала девушку таким приветственным взглядом, что Лене захотелось тут же бежать прочь из этого дома. При этом Медуза горгона имела внешность весьма привлекательной женщины. У Маргариты Петровны была отличная, подтянутая фигура и породистое лицо. Надменная королева Марго: царственный кивок головы вдовствующей императрицы, отливающие сиреневым оттенком волосы, строгий брючный костюм, блеск бриллиантов на пальцах. Ее суровый взгляд серых, льдистых глаз из-под дымчатых стекол очков и замораживал, и испепелял Лену.

Под этим взглядом-рентгеном Лена съежилась и прокудахтала сбивчивые слова приветствия, сознавая, как нелепо и жалко она сейчас выглядит. При этом королева Марго отнюдь не поспешила Лене на помощь. Она сразу дала понять Лене, что уничтожит ее при первом удобном случае. Но со стороны все выглядело вполне пристойно. Маргарита Петровна не искусала Лену, не прогнала ее из своего дома, напротив, она усадила их с Андреем за прекрасно сервированный стол и даже расспросила Лену с ледяной, на грани с брезгливостью, вежливостью, откуда та родом. Услышав Ленин ответ, Маргарита Петровна усмехнулась: «Надо же! И там люди живут? Долганы? Да что вы, вот прелесть какая!» Но во всяком ее жесте и интонации голоса сквозила убийственная ирония и неприязнь по отношению к подруге сына.

В этой профессорской квартире с дорогой мебелью, высоченными книжными стеллажами, старинными фотографиями на стенах Лена, увы, чувствовала себя инородным телом. А рядом с миниатюрной, изысканной Марго Лена себе самой казалась неуклюжим сибирским медведем.

Лена сидела за столом ни жива-ни мертва, жизни в ней было не больше, чем в рыбе под маринадом, которую хозяйка подала на стол. Она даже стеснялась есть. И только, когда мать Андрея спросила ее строго и с явным неодобрением, отчего гостя не ест, Лена спохватилась и, чтобы воздать хозяйке должное, стала усиленно наворачивать яства. Но и ее внезапно

проснувшийся аппетит не спас положения – было очевидно, что Лена не пришла ко двору королевы Марго.

Где-то между долмой и пирогом Марго рассказала о том, что ее сын – одаренный ученый-физик, как и его отец, и с непередаваемой интонацией поинтересовалась у Лены, знает ли та, что такое кварки.

– Не шкварки, милая, а кварки!

Лена потупилась и покраснела – в школе по физике у нее было уверенное «три».

Аутодафе из четырех блюд – к десерту Лена чувствовала себя впавшей в коллапс. От страха она и двух слов за ужином не сказала, так и сидела, словно проглотила кеглю, и смотрела на Марго, как кролик на удава.

Андрей честно старался поддержать Лену, даже сказал матери: «Ма, слышала бы ты, какой у Лены голос! Хочешь, она тебе сейчас споет?»

Лена аж забулькала от ужаса, но петь не пришлось. Потому что Марго, услышав слова сына, только усмехнулась: а хоть бы эта девица запела, как Шаляпин, и на закуску станцевала, как Плисецкая – это ничегошеньки не изменит! Да, душечка, здесь вам не ансамбль песни и пляски! Андрею нужна нормальная жена, а не певичка или плясунья.

Ничего не поделаешь – великолепная Марго хотела, чтобы ее сын женился на девушке его круга, притом с высшим, желательно техническим, образованием. Чтобы жена была Андрею боевой подружкой, секретарем и опорой, чтобы у Андрея с ней была гармония, как у Пьера и Марии Кюри. Ну а что, в сущности, Марго тоже можно понять – она растила сына, имела свои представления о его будущем, а он вырос, свинья неблагодарная, и привел домой простую девушку родом с Севера. Да еще певицу, которая про кварки отродясь не слыхивала. Ну не мезальянс разве?! Вот! На мезальянс Марго твердо настаивала и психологически давила на Андрея и Лену, как могла. И даже робкий довод «а если у них любовь?!», ежели бы таковой прозвучал, не переубедил бы Марго. Ибо мудрая женщина знала, что нет субстанции эфемернее и, увы, ненадежнее любви – этого легчайшего, стихийно вспыхивающего и столь же стихийно умирающего чувства; а есть крепкие, прочные чувства – корневая система, основанная на уважении и интересе супругов друг к другу. Андрей нуждается в заботе и служении! А эта певичка, чукотское или какое там дарование, ну что она может дать Андрею?!

Позже, когда они вышли на улицу, Андрей объяснил Лене, что властность его матери объясняется просто. Как настоящий гений, ее муж-академик был абсолютно беспомощен в быту, и Марго не оставалось ничего другого, как стать для своего мужа матерью, секретарем – короче, всем. Ну а потом многолетняя привычка вникать во все дела и разруливать все ситуации так и сохранилась у нее навсегда. А теперь Марго считает, что должна точно так же заботиться о сыне.

Лена выслушала Андрея, но тем не менее захлопала носом и расплакалась, как девчонка. Она чувствовала себя первоклассницей, получившей двойку. И эта двойка означала одно – им никогда не быть вместе с Андреем.

– Ну, ты чего? – расстроился Андрей.

– Да просто она меня никогда не примет! – справедливо рассудила Лена.

– Ерунда! – сказал Андрей. – Я что – маленький? Или какой-нибудь «мамзик»? Сам решаю, с кем мне быть!

Лена вздохнула. Андрей бросился горячо доказывать, что ему наплевать на мнение матери, но что-то Лене подсказывало, что все не так просто. Тем более что в этот же вечер она узнала о том, что у Андрея есть подруга Света – приличная девушка из академической среды. И у Андрея со Светой всё до стихийного появления Лены было идеально, ну разве что за исключением того, что Андрей эту Свету не любил. И этот нюанс отчасти нарушал гармонию их союза, однако не настолько (по мнению королевы Марго), чтобы из-за этого сей союз разорвать.

Марго и сказала сыну, что, в конце концов, в жизни есть еще кое-что, кроме любви. И на вопрос Андрея: «Что же это?» – Марго отрезала: «Уважение, привязанности, общие интересы и ценности!»

Ну а с наивной чукотской девушкой Леной, понятное дело, у Андрея по определению не могло быть ни общих интересов, ни общих ценностей.

В общем, Лена нутром почувствовала, что с матерью Андрея она попала в ситуацию полной безнадеги. И никак эту безнадегу не выправить!

Андрей, конечно, попытался все сгладить – на завтра пригласил Лену в театр, потом повел в гости к своим друзьям. А еще через день они вновь поехали к нему на дачу.

На даче в этот раз Лена нервничала, ей все время мерещился грозный призрак «женщины в белом» – Маргариты Петровны, которая ходит по саду и заглядывает в окна. И хотя Андрей отчаянно старался исправить ситуацию, все-таки в душе Лены залегла глубокая печаль.

Между тем праздники заканчивались, наступали будни. Вера Глебова возвращалась из отпуска, и на середину января у коллектива были запланированы продолжительные гастроли по России. Лене пора было возвращаться в Москву. Да и Андрею в январе предстояла длительная командировка в Европу.

Когда Лена сказала Андрею, что уезжает, он воспринял это спокойно и не стал уговаривать ее остаться. Андрей вообще, надо сказать, был с ней честен – никаких клятв и заверений «навсегда вместе» он не давал. Разве что в последний день перед ее отъездом он как-то даже удивленно сказал, прижав Лену к себе, что не ожидал, что у него из-за нее «так снесет крышу».

– Это что – оригинальное признание в любви? – усмехнулась Лена.

Андрей серьезно кивнул: считай так.

– И что же нам теперь со всем этим делать?

Андрей пожал плечами:

– Полагаю, нам обоим надо обо всем хорошо подумать.

Он признался, что на этой неделе уезжает за границу на два месяца, а после его возвращения они все решат.

Лена вздохнула: «Два месяца?! Это долго, когда любишь! И если бы кто-то еще сказал, как мне прожить это время!» Впрочем, ближайшие месяцы и у нее были расписаны по дням – у Глебовой на февраль намечался плотный гастрольный график.

По дороге на вокзал Лена нарочито бодрилась, напустила на себя деланную веселость: мол, расстаемся, ну и ничего, это, в сущности, пустяки! Правда, когда они с Андреем вошли в здание вокзала, она почувствовала, что сдувается, как шарик. На перроне, когда стали прощаться, Андрей обнял ее: «Ну что ты такая расстроенная, Лен? Жизнь ведь на этом не кончается...» У Лены не было такой уверенности – для нее как раз все заканчивалось здесь и сейчас. Все как будто четко разделилось: до вокзала ей казалось, что она смотрит фильм – грустную мелодраму про то, как они с Андреем прощаются, но не взаправду, а по – киношному. А потом, на перроне, когда она увидела дышавший враждебно, как зверь, поезд, оказалось, что все происходит на самом деле. Они с Олегом действительно прощаются. Может статься, что и навсегда.

«А как я теперь буду без тебя?» – шептала Лена, глядя в грязноватое вагонное стекло. И Андрей, такой маленький, родной, невозможно любимый, стоял на перроне, а когда поезд тронулся, он прибавил шаг, стараясь еще немного притормозить расставание, а потом побежал за поездом. Но поезд, конечно, быстро вырвался вперед, и Андрей исчез. И вот тогда – оп, будто шарик проткнули, Лена разрыдалась. Она стояла в тамбуре и рыдала, рыдала, как припадочная – ой, господи, стыдно-то как...

– Слышь, девушка, на вот, воды выпей, – легко толкнула ее в бок проводница с усталым, добрым лицом, – и не тужи, все образуется.

Но Лена все равно плакала и никак не могла остановиться. И всю дорогу до Москвы она редела несчастной белугой. Да и в Москве продолжала реветь.

* * *

Зима 2005 год

Выслушав зареванную Лену, Ляля искренне удивилась:

– Что ревешь-то? Влюбилась – так это замечательно, радуйся! Кстати, а он тебя любит?

– Говорил, что любит, – сказала Лена и осеклась, прекрасно понимая, что говорил и что на самом деле любит – разные вещи. А у нее нет уверенности в том, что он ее действительно любит.

– Так позвони ему и уточни, – недолго думая, предложила Ляля, уловив в голосе подруги неуверенность.

Лена замялась.

– Что? – спросила Ляля, мгновенно почуяв какой-то подвох.

– У него – мама. И кажется, я ей не понравилась! – коротко обрисовала ситуацию Лена.

– А ты попробуй с ней подружиться! – хихикнула Ляля.

Лена представила сиреневолосую Марго и поежилась – попробовать подружиться с ней было так же страшно, как сунуть голову в пасть льву.

* * *

Выждав пару дней для приличия, Лена позвонила Андрею, однако дозвониться на его мобильный телефон у нее не получилось. После недолгого раздумья, волнуясь и задыхаясь (вот сейчас она услышит любимый голос!), Лена набрала его домашний номер и нарвалась на Маргариту Петровну.

– Какая Лена? – спросила Марго Сазонович с неподражаемой интонацией. – А, певица с Чукотки... Андрея нет, он со своей невестой Светой. Вы разве не знали? Андрей женится, да.

– Как женится? – переспросила Лена.

– Ну как люди женятся? Расписываются в загсе, ставят штамп в паспорте. И вам не надо сюда больше звонить, дорогая.

Лена опустила с трубкой в руках. Ну все, полеты закончились. Жесткое приземление о землю. Это напоминало один эпизод из детства. Бабушка с дедом тогда купили ей велосипед, и она, испытывая ощущение невероятной эйфории, полетела на этом велике прямо навстречу счастью. Шальная радость, восторг, и вдруг ее нога попала в спицу, и она со всего маху свалилась на землю. Сейчас Лена испытывала те же чувства, только теперь вместо разодранных в кровь коленок – разодранная душа.

Лена так и сидела с трубкой в руках, долго-долго. Потом пришла Ляля и тоже села рядом. Выслушав Ленин рассказ про фамильные особенности семьи Сазоновичей и звездные закидоны королевы-матери, Ляля пожала плечами: «Вдова академика? Ну, тогда все понятно. Выше только звезды! А ты... безродная дворняжка!» Лене было так плохо, что она даже не обиделась. Тем более что Ляля была права. И насчет звездности Марго, и насчет дворняжки, и насчет их с Андреем безусловного мезальянса.

После звонка в Петербург Лена поняла, что Андрея она потеряла. Хотя можно ли потерять то, что тебе и не принадлежало? Как бы там ни было, ей надо жить дальше. Жила же она до Андрея?

«Вот именно! И притом ты прожила без него большую часть своей жизни, – убеждала Ляля, – так что я тебя умоляю – не разводи трагедь!» Однако же без Андрея у Лены теперь жить не получалось и выходила одна сплошная вот именно что «трагедь». И единственным

плюсом этой самой трагедии было то, что Лена стала лучше петь, проникновеннее, что ли... Даже Глебова это отметила, хотя Вера была скупа на похвалу.

Лена сказала себе, что должна забыть Андрея и, отрезав все пути в прошлое, выбросила телефонную сим-карту с номером, который давала Андрею. Вот так – теперь ни он, ни она друг другу не позвонят.

Глава 3

В середине января Лена уехала с группой на гастроли. Города сменяли один другой. Лена не особенно следила за географией – Дальний Восток, Урал, Сибирь; мысленно она находилась рядом с Андреем. Внутри все болело, как будто в нее попал снаряд и серьезно ранил. Плохо было до физической немощи и тошноты. На последнем концерте в сибирском городке Лена вдруг почувствовала, что сейчас ее вырвет прямо на сцене, что вряд ли понравится Глебовой. Она еле-еле продержалась и рванула за кулисы, как только Вера закончила концерт.

В конце февраля группа Глебовой вернулась в Москву.

– Выглядишь, извини, не очень, – выдала при встрече честная (убивать таких надо!) Ляля. – Хреново выглядишь, Лен. Словно ты не с гастролей, а из заключения вернулась.

– Что-то мне и впрямь нехорошо, – призналась Лена, расстегивая шубу и проходя в квартиру. – Мутит все время. Нельзя мне, наверное, столько летать, от перелетов этих такая тошнеловка.

– Тошнеловка и от другого бывает, – резонно заметила опытная в амурных делах Ляля, – ты бы проверилась.

Лена так и застыла с шубой в руках – неужели правда?

Оказалось – правда. Долетались они с Андреем. При этом летали вместе, а расхлебывать придется ей одной. А Вера Глебова, между прочим, просила ее не беременеть!

Девчонки, узнав о Лениной беременности, собрали женсовет.

– Так рожай, что такого? – высказалась Ева.

Лена залилась слезами:

– Кому рожай? Для кого? И из коллектива меня попрут!

– А давай я этого твоего академика найду! – выпалила Ляля. – Из-под земли достану! Пусть женится! А не то я ему такую жизнь устрою!

Лена вытерла слезы:

– Нет. Вот этого не надо!

– Лен, ты подумай хорошо, ладно? – попросила Таня. – Просто знай, что мы с мамой тебе всегда поможем, если что...

И Лена думала. Целую ночь. Испытывая при этом всю гамму эмоций – любовь к Андрею, ненависть к нему же (ну ясно – заморочил ей голову, а сам и думать о ней забыл), страх (Глебова попрут ее из группы, как только узнает о беременности) и сомнения: а что я смогу дать этому ребенку, мать-одиночка без работы и без квартиры?!

Что же делать? Возвращаться на Север? Лена представила лицо Лили. «Здрасте, Лилия Евгеньевна, а я вот вернулась. Извините, что не оправдала ваших надежд».

Позже она много раз снова и снова возвращалась в ту ночь. Эх, если бы тогда можно было отсечь эти подлые, трусливые мысли волшебным мечом (что там у них в сказках – меч-кладенец?), сказать себе, что ты дура-дура, ну какое тебе дело до того, что подумает Глебова или кто бы то ни было на свете?! У тебя будет ребенок! Ребенок! И ты ради него сможешь все! Вы вдвоем все сможете! И не думай больше ни о чем, а покупай распашонки и доверься судьбе – все будет хорошо. Но это она сейчас все знает-понимает, теперь, когда ребенка нет. А тогда ее сковала какая-то преступная слабость, трусость. Испугалась, струсила, предала. Себя предала. Что себя предала – она поняла уже в то утро, когда сделала аборт. Было такое серенькое утро на переломе зимы и весны, когда вокруг все такое болезненное, когда сама природа, кажется, пребывает в хандре.

«А не будет ребенка!» – вдруг как-то очень ясно поняла Лена, согнувшись пополам от боли и завывала.

А вскоре выяснилось, что после аборта у нее началось сильное осложнение. Позже Ляля удивлялась: «Ну дела, кому-то на аборт сходить – все равно что к зубному, плановый осмотр раз в год, а ты, Морозова, даешь! Чуть концы не отдала!» Но сама Лена знала, почему с ней это случилось.

Она сочла, что ее тяжелое, на грани смерти, состояние – несомненное благо, потому что в забвении физической боли можно было не думать ни о ребенке, ни об Андрее. Можно было вообще ни о чем не думать. Все происходящее Лена воспринимала стоически, как наказание. А может, она надеялась физической болью и страданием искупить свою вину перед этим нерожденным ребенком? Как бы там ни было, плохо ей было так, что болело – на разрыв. Особенно когда врачи сообщили, что детей у нее больше никогда не будет.

В больнице она провела две недели. Гастроли с группой, конечно, пришлось отменить. На вопрос Глебовой: «Что случилось?» – Лена сначала не знала, что ответить, потом сослалась на «непредвиденные обстоятельства».

Глебова пообещала ее уволить: «Ты мне гастроли срываешь, что, не могла предупредить про свои обстоятельства?!»

Но потом случилось нечто странное. Через несколько дней Вера приехала к Лене в больницу. Глебова вошла в палату – никаких звездных замашек, во взгляде сочувствие. Оказалось, что ей кто-то из девочек из группы, рассказал о том, что с Леной случилось. Вера села на краешек Лениной кровати, спросила, зачем Лена это сделала.

Лена пожала плечами:

– Наверное, испугалась. И ребенок этот был никому не нужен. Да и вы сами говорили, что из группы уволите.

– Что ж ты, дура, наделала! – схватилась за голову Вера.

И что-то в ее голосе, в глазах промелькнуло такое человеческое, женско-сестринское, что Лена заплакала.

– У меня вот детей нет, как ты знаешь, – сказала Вера, – тоже испугалась в свое время. Потом внушила себе всякую хрень про жизнь для искусства, служение сцене. А сейчас думаю, да к черту все: сцену, поклонников! Если бы все сейчас вернуть, я бы, конечно, родила. Но ведь не вернешь. – Вера осеклась, закусилась в губах горькую усмешку.

Две женщины – сестры по несчастью – сидели, молчали о своем. Потом Вера затянула свою любимую песню «Я несла свою беду». У Веры лучше получалось выражать сочувствие не словами – в словах она не была мастерица – а песней. Ее сильный, прекрасный голос дарил утешение.

– Выздоровливай, я буду тебя ждать, – сказала Вера на прощание. – Тебе надо много работать – это поможет.

Впрочем, Лене теперь было все равно – будет она по-прежнему выступать в группе Веры или не будет. Будет петь или нет. Вообще все теперь стало неважным. Лена лежала в палате, отвернувшись к стене, проваливалась в свой персональный ад и назначала себе персональное наказание. А потом, в один из дней, медсестра сказала, что к ней пришли.

– Кто? – равнодушно спросила Лена.

Медсестра неопределенно пожала плечами, и Лена нехотя пошла в коридор.

На лестничной клетке у окна стоял Андрей.

– Так не бывает, – попыталась улыбнуться Лена.

Ее кривоватая вымученная улыбка сорвалась, испугала Андрея. Он молча смотрел на нее. Лена вздохнула – зрелище, конечно, не комильфо: старый больничный халат, бледное, как эти стены, лицо, спутанные волосы. Жуть.

– А что тебе нужно? – вежливым, но каким-то тусклым, бесцветным голосом спросила Лена.

– Увидеть тебя, – сказал Андрей. – Я все знаю.

Лена пожала плечами:

– Да? Ну ладно.

Она теребила пуговицу на своем ужасном халате и с тоской думала, что от нее, наверное, пахнет больницей и выглядит она жалкой. А ей не хотелось так выглядеть, когда на нее смотрит любимый мужчина.

Андрей привлек ее к себе и, глядя в глаза, спросил:

– Почему ты пропала? Я звонил тебе тысячу раз.

Свадьба с хорошей девушкой Светой, слова Маргариты Петровны и версия насчет того, что Андрей ее предал – все, как теперь выяснилось, оказалось неправдой. Но что с того? Теперь уже было поздно. Лена молчала. Андрей говорил, пытаясь прорваться к ней через эту пустоту и молчание.

«Я пытался найти тебя, но это оказалось непросто. Ты не оставила мне никаких зацепок – ни адреса, ничего».

Уже потом Лена узнала, что Андрей развернул масштабные поиски и нашел ее через Веру Глебову.

– Как все это глупо и пошло, – сказал Андрей, – и из-за такой глупости мы едва не сломали себе жизнь. Я люблю тебя, Лена!

Она заплакала. Он гладил ее по голове, как маленькую. Лена сказала, что не хочет возвращаться в палату. Андрей встал, снял с себя пальто, накинул его ей на плечи, взял Лену за руку и повел за собой.

В тот вечер он привез ее к своему старому московскому другу, чья квартира пустовала. В тот же вечер Лена призналась Андрею, что после аборта у нее никогда не будет детей. Она хотела быть с ним честной. Андрей обнял ее и сказал, что для него важно только, чтобы они были вместе. Тогда же он сделал Лене предложение выйти за него замуж. И после ее «да» просил, не хочет ли она переехать в Петербург. Увидев Ленино замешательство, Андрей кивнул: «Ладно, я перееду в Москву».

Так и произошло.

* * *

Это были счастливые годы. Семь безоблачных лет. Счастливых настолько, что Лена с Андреем в привычной размеренности будней даже не особенно замечали счастья. Разве что, когда Лена уезжала с Верой на гастроли, она чувствовала, что отчаянно скучает по Андрею, и ее тянуло домой.

Если же она была в Москве, их дни не отличались разнообразием, но в этом были свои радости. По сути, Лена вела обычную жизнь замужней женщины: приготовить сложносочиненный обед из трех блюд, выгладить Андрею рубашки, собрать его в командировку. На первый взгляд – привычная круговерть, пена дней. Но за этой суетой, в какой-то невидимой посторонним сердцевине их совместной жизни было много любви и неподдельной нежности, заботы друг о друге.

Лене хотелось, чтобы Андрея тянуло домой, чтобы в доме пахло вкусными пирогами, и, кроме того, ей хотелось быть интересной мужу. Как-то она даже взялась изучать какие-то труды по физике, и однажды за ужином важно спросила Андрея, что тот думает о теории кварков. Андрей, услышав ее вопрос, хохотал так, что едва не свалился под стол. Лена даже подумывала обидеться, но решила, что не стоит – оставим мужской шовинизм, присущий даже самым прогрессивным и чутким представителям мужского рода, на их совести. Тем более она догадывалась о том, что незнание теории относительности муж ей простит и что ее пироги, в принципе, интересуют его больше ее познаний в области точных наук.

Обычная жизнь: работа (ежедневные музыкальные репетиции), хозяйственные заботы, да надо бы еще и выглядеть прилично, и в постели после изматывающего рабочего дня казаться пламенной любовницей и вакханкой. Непросто – да, но Лена как-то умудрялась все сочетать.

Ляля, порхающая красивой бабочкой по клубам да фестивалям, глядя на «скудную семейную» жизнь подруги, фыркала: «Вот скука смертная!»

А Лена смеялась: «Дурочка ты, Лялька, ничего-то ты не понимаешь! Мне все это в радость!» И вот, казалось бы, все как у всех, никакой особой романтики, но были счастливы, были.

Счастливейшая жизнь – совместные завтраки, отпуск на море, по вечерам прогулки в парке рядом с домом, совместный просмотр сериалов под бокал хорошего вина. Летом в выходные – яхт-клуб (Андрей обожал яхты), зимой – горные лыжи.

Их общие вечера... «Что ты читаешь?» – «Новый детектив. А ты?» – «Да ничего интересного, Ленка, у тебя от одного названия скулы сведет... Идем в Пушкинский музей? А завтра в театр?»

Про детей они никогда не говорили, вообще не заводили эту тему. Но Лена в принципе была готова посвятить свою жизнь только Андрею, раствориться в нем.

Единственное, что в их супружестве царапало, как заноза, была мать Андрея. Лена не могла избавиться ни от страха перед ней, ни от мыслей, что это из-за Марго она тогда приняла роковое решение. Нет, она не перекладывала на Маргариту Петровну ответственность за свой преступный аборт и винила, конечно, во всем себя, но какой-то темный вязкий осадок тем не менее в Лениной душе сохранялся. Лена и Марго практически не общались. Если Марго звонила на домашний номер, Лена сухо здоровалась и передавала трубку Андрею. Бедный Андрей разрывался между двумя любимыми женщинами. Лене его было искренне жаль.

Через два года после женитьбы Андрея Марго приехала к ним в Москву (они тогда снимали двушку на окраине) – привезла Андрею деньги на покупку квартиры. Когда Лена запротестовала: «Ну зачем, не нужно, нас все устраивает в этой съемной квартире», Марго решительным жестом ее остановила. «Это наследство Андрея от его отца. Не отказывайся, будешь дурой! И вообще, я забочусь о своем сыне: хочу, чтобы он жил в нормальных условиях, а не в съемной халупе!» – отчеканила вдовствующая императрица.

На эти деньги Андрей впоследствии купил квартиру, куда они с Леной вскоре переехали. Когда Марго уезжала, Лена сказала ей на прощание единственную фразу:

– Вы очень сильная женщина.

– Да, – усмехнулась Марго, – это правда. Но у меня есть одна слабость – я люблю своего сына и хочу, чтобы он был счастлив. Я проиграла. Андрей считает, что счастливым он может быть только с тобой.

Лена вздохнула:

– Я просто очень люблю его. Люблю.

Марго задержалась, бросила на Лену быстрый, оценивающий, словно бы впервые ее увидела, взгляд, и вдруг на мгновение (Лена даже подумала, что ей это показалось) коснулась Лениной руки и сказала:

– Ты... прости меня. Я тогда грех на душу взяла, не знаю, как теперь буду отмаливать.

И не дожидаясь Лениного ответа, Марго ушла.

Но и после этой сцены в их отношениях ничего особенно не изменилось – все та же натянутая вежливость, без всякой теплоты.

...Итак, у Лены с мужем появилась своя квартира. Лена с любовью ее обустроивала – ей хотелось, чтобы она напоминала петербургскую академическую квартиру Сазоновичей с ее высоким стилем и сдержанной роскошью.

В эти годы карьера Андрея стремительно развивалась. Он часто ездил в зарубежные командировки, хорошо зарабатывал. У Лены в группе Глебовой тоже все складывалось наилучшим образом. Лене нравилось то, чем она занималась. В концерты она вкладывала душу. А потом, за эти годы она просто привыкла к Вере, даже привязалась к ней. Несмотря на несносный характер и капризы, Вера была талантищем, а талантливому человеку все можно простить. К тому же, несмотря на все свои сложности, эта невозможная звезда по имени Вера была человечной и доброй.

Кроме работы и гармоничной семейной жизни у Лены были ее девочки-подружки и Лиля, которая теперь часто приезжала в Москву, неизменно останавливаясь у Лены с Андреем.

В общем, все было хорошо.

Конечно, их брак нельзя было назвать полной идиллией. Все как у нормальных людей – случалось всякое. Иногда ссорились, бывало и такое, два раза собирались разводиться (теперь и не вспомнить из-за чего), но, конечно, не всерьез, не всерьез... Иногда она обижалась на мужа, чувствовала усталость; быт все-таки изматывает, вдруг перестаешь замечать хорошее, раздражаешься по пустякам, начинаешь предъявлять какие-то претензии, сражаешься за свои надуманные, в сущности, права.

Однажды они совсем подошли к какому-то краю. Отчаянно поссорились. Все рушилось на ее глазах. Боль, страх, растерянность... Так бывает: вот ты смотришь на родного, близкого человека и вдруг понимаешь, что вы с ним будто стоите на разных берегах реки и услышать-понять друг друга – невозможно.

В тот вечер Андрей ушел из дома и не появлялся два дня. У Лены уже не было ни сил, ни желания пытаться что-то исправить – одна невозможная боль, парализующая волю и чувства. И вдруг Андрей вернулся – простуженный, больной. Она кинулась к нему (все как-то вдруг стало неважно, кроме его здоровья) с порошками, градусником, горячим молоком- чаем.

В тот же день они помирились. Андрей обнял ее:

– Лена, какие мы дураки! Ты прости меня. Ну куда я без тебя...

И все наладилось. Она жила его жизнью и не представляла, что может быть иначе. Стоило Андрею уехать куда-то в командировку, хотя бы даже на пару дней, она начинала отчаянно скучать и не находила себе места. Он приезжал – она успокаивалась.

Однажды Ляля сказала:

– Лена, ты пойми – опасно так растворяться в ком-то, настолько сильно привязываться! А если этот человек вдруг исчезнет из твоей жизни?

– Лялька, дура, не каркай, если он исчезнет – я тоже умру! – улыбнулась Лена.

Такая сильная корневая система – прорастаешь в человека корнями, и все у вас становится общим.

Теперь Лена думает, что, если бы они с Андреем прожили в браке много лет, он, видя ее старение, мог, как это происходит со многими мужчинами в кризисе среднего возраста, увлечься какой-нибудь юной девицей и уйти из семьи; и понимает, что она согласна даже на такой вариант событий, только бы Андрей был жив! Пусть бы он был счастлив без нее, с кем-то другим, только бы жил. Сейчас она понимает: когда ты любишь – ты хочешь счастья для любимого человека, допуская, что его счастье необязательно будет связано с тобой.

Семь лет счастья...

А потом ее жизнь разбилась, раскололась на до и после.

* * *

Январь 2017 год

Итак, первое января. За окнами идет снег. Подруги разбрелись по домам. После шумной новогодней ночи Лена осталась одна. Самое сложное для одинокого человека – пережить праздники.

Лена подошла к окну и долго-долго смотрела на снег. Впереди была зима. И жизнь без Андрея, которую надо было как-то прожить.

Часть 2

Просто Таня

Глава 1

Зима 2017 год

С самого утра Таня рисовала иллюстрации для детской книги сказок и работала до вечера, позволив себе лишь небольшой перерыв, чтобы пообедать и погулять с собаками. В итоге к вечеру работа была почти закончена, рисунки и макеты можно было отправлять в издательство.

Придирчиво рассматривая рисунки (Таня редко когда бывала довольна результатами своего труда и всегда старалась довести рисунки – перфекционист несчастный! – до совершенства), она особенно задержалась на одном из них. Это была иллюстрация к детской сказке про принца и принцессу. Таня нарисовала воздушную, золотоволосую, вполне себе классическую принцессу, которая выглядывает из окошка высокой башни. А снизу на принцессу с обожанием смотрит красавчик-принц на образцово-стильном белом коне (сюжет не нов – принцесса ждала, и принц примчался).

Принцесса на Танином рисунке была прекрасна, как и положено принцессе, принц симпатичен и по всему видно – благороден и мужественен; в общем, все как положено, как мы, девочки, любим. Каждая девочка хотя бы однажды рисовала такую картину в своем воображении, представляя в принцессиной роли себя, а в роли принца... ну хоть Брэда Питта, или Джуда Лоу, или какого-нибудь отечественного Козловского, или уж, извините, Нагиева (да вкусы-то у всех разные, а потому принцы разные нужны).

Рисунок как рисунок, но, разглядывая его, Таня вдруг вздохнула. О чем-то о своем – несбывшемся...

* * *

В одном из тихих московских переулков жила-была девочка Таня Киселёва – добрая, умная, хотя и не красавица. Что она – не красавица, Таня очень даже понимала. Хотя внешность у нее была миловидная – хорошее лицо славянского типа, серые глаза, высокий лоб, русые волосы, однако же в модели с такой внешностью не берут. Таню подвел невысокий рост и не модная – с формами и со склонностью к полноте – фигура. Да и в целом, внешность у Тани была не яркая, а такая... чуть приглушенная.

Ну не взяли бы ее в модели и ладно – не всем же моделями быть! А зато у Тани был отличный характер – она всегда была спокойной, выдержанной, интеллигентной, воспитанной и начитанной. Достаточно было на нее посмотреть, чтобы сразу отметить – какая хорошая, умная девочка, в хорошем смысле «несовременная».

Больше всего на свете Таня любила рисовать – животных, космических героев, волшебные миры и вселенные. Ничего удивительного в этом увлечении не было – Таня родилась в семье художников-иллюстраторов; ее папа и мама в свое время оформили немало прекрасных детских книг. Так что вполне естественно, что после школы Таня решила пойти по стопам родителей и тоже стала художником.

О своем выборе она не жалеет и по сей день. Но хотя она востребована и сотрудничает с крупным издательством, все-таки иногда из самой глубины ее души, бывает, вдруг поднимается какая-то печаль.

«Ты просто Таня. Хороший, отзывчивый товарищ, востребованный иллюстратор, неплохой человек, и это немало, но...» Иногда ей остро, до душевной боли хочется чуть большего. Еще немного подрасти до себя – талантливой, успешной, а главное, любимой. Потому что любовь вообще входит в Танин круг главных жизненных ценностей первым пунктом.

При этом Танины родители, прожившие в супружестве душа в душу тридцать пять лет, не оставили дочери другого выбора, кроме как уверовать в то, что любовь бывает одна и на всю жизнь, а все, что не попадает под категорию «навсегда», есть легкомысленные увлечения и блуд. Именно на таких установках воспитывалась Таня.

И вот Таня выросла и вошла в пору, когда ее персональному принцу уже можно было бы и появиться. Однако ждать ей его пришлось аж до двадцати четырех лет, и к этому времени наша Таня уже совсем приуныла от долгого ожидания и засомневалась: а случится ли со мной то самое большое и прекрасное, ради чего стоило так долго ждать?!

Январь 2005 год
Москва

Новогоднюю ночь две тысячи пятого года Таня с подругами встречали у нее дома. Из той шумной, веселой ночи Тане особенно запомнилось, как ее подруга Лена Морозова проникновенно спела «Чайку с розовым крылом», до слез тронув и Танину маму, и Еву с Лялей, и саму Таню.

Они были молоды, наивны, и никто из них даже не предполагал, какие события ждут их в самом ближайшем будущем. Да, в ту новогоднюю ночь никто не знал, что через пару дней Лена уедет на гастроли с группой Веры Глебовой в Петербург, где познакомится со своим будущим мужем Андреем, а Таня нежданно-негаданно в это первое утро нового года встретит свою судьбу.

В ту ночь девочки за песнями, танцами и душевными разговорами просидели у Киселевых до самого утра. Утром Танины подруги засобирались по домам. Таня собрала подарки и гостинцы для Евиного сына Вани, пакет с домашней едой для Лены с Лялей и отправилась провожать подруг до метро. Утро было морозным и снежным. По пути девчонки смеялись, и Ляля вдруг – вот вечно эта рыжая чудит – взяла да и ляпнула:

– Тань, а, Тань! А знаешь, чо? Вот первый мужчина, который тебе сегодня встретится и с тобой заговорит – станет твоим любов... ой, ладно, не смущайся, Тань, твоим суженым-ряженым! Бугага!

Ляля заржала, и они с Леной побежали в подземный переход.

Таня вздохнула – при всей ее любви к Ляле стоит признать, что иногда Точкина бывает просто невыносимой.

По пути домой от метро, проходя мимо фруктового киоска, Таня решила купить домой фрукты. Продавщица сложила апельсины и мандарины в пакет и вручила его Тане.

Таня вышла на улицу, удивилась, что хлипкий пакет так оттягивает руки, и вдруг... Наверное, со стороны это было даже кинематографично – пакет – раз! – и треснул, и десятки оранжевых мячиков покатались на снег.

Таня наклонилась и стала собирать рассыпавшиеся фрукты.

– Оранжевое на белом – это красиво! – раздался рядом мужской голос. – Можно кино снимать!

Таня подняла глаза – перед ней стоял парень лет двадцати восьми.

– Давайте я вам помогу? – Незнакомец, не дожидаясь ее ответа, наклонился и стал собирать апельсины.

Когда на последнем апельсине их руки неожиданно встретились, Таня смутилась и отдернула руку. Незнакомец связал пакет «для надежности» и протянул Тане. Таня кивнула – благодарю!

– Хотите, я вас подвезу? Тут за углом моя машина! – предложил незнакомец.

Таня бросила на него взгляд – привлекательный брюнет, лицо располагающее, открытая улыбка. Симпатичный, да. Но вот так взять и сесть в машину к незнакомому человеку?!

– Нет, спасибо, – вежливо сказала Таня, – я уже почти пришла.

– Не донесете, опять все растеряете, – усомнился незнакомец.

Таня махнула рукой – пустяки.

– Ну хоть дайте свой телефон?! – попросил парень. – И скажите, как вас зовут?

Таня пожала плечами – знакомиться на улицах тоже не казалось ей правильным. И вдруг она вспомнила дурацкое предсказание Точкиной. «Первый мужчина, которого ты встретишь в новом году...»

Таня заглянула незнакомцу в глаза. Вот именно не посмотрела на него, а заглянула ему в глаза и увидела в них что-то особенное.

Она улыбнулась:

– Ладно. Меня зовут Таня.

– Дмитрий, – сказал незнакомец, – я вам позвоню.

* * *

Несколько дней Таня думала о незнакомце, которого Ляля напороочила ей в суженые-ряженые. А вскоре он позвонил ей – представился, коротко рассказал о себе и пригласил встретиться.

...Таня с Дмитрием Колесниковым гуляли по заснеженной Москве, пили кофе в уютной кофейне, Дмитрий рассказывал о себе. Таня узнала, что ему тридцать лет, что он преподает литературу на журфаке известного вуза и любит путешествовать. На прощание Дмитрий сказал, что завтра будет читать лекцию о британской поэзии в лектории университета и пригласил Таню прийти его послушать.

Таня пришла, послушала, и симпатичный темноволосый Дима раскрылся для нее с совершенно неожиданной стороны. Рассказывая о том, что его по-настоящему волновало (а литература была главной страстью его жизни), Дмитрий оказывал на аудиторию какое-то магическое воздействие. Присутствующая в зале немногочисленная публика, в основном студенты, увлеченно слушала преподавателя Колесникова. В финале лекции Таня влюбилась в Диму окончательно и бесповоротно.

После лекции они с Димой ужинали в ресторанчике, потом он повез ее кататься по городу на своей машине, и в какой-то миг, когда Дима остановил машину в переулке рядом с ее домом и поцеловал ее, Таня отозвалась на его поцелуй со всей страстью и нежностью девушки, которая вообще очень долго ждала.

В тот вечер Таня назначила Диму своим принцем и своей главной и единственной любовью.

* * *

– Куда он тебя пригласил? На лекцию?! – воскликнула Ляля, когда Таня рассказала подругам о Диме. – Тань, ты совсем, что ли? Нет бы, он тебя пригласил в ресторан, или в Большой театр, или на курорт?! Но на лекцию! – Ляля обхватила свою буйную рыжую голову.

Лена с Евой покатались со смеху.

– Я все ждала, когда ты найдешь себе что-нибудь приличное! Ну... хоть что-нибудь уже найдешь! И вот, кажется, дождалась! – сокрушалась Ляля. – Ты нашла себе какого-то мудаковатого парня. Как ты вообще его встретила? Ты же на улицах не знакомишься?

– Ты сама тогда сказала, что в первое утро нового года я встречу свою любовь, и я... решила не быть категоричной! – призналась Таня.

– Это все мой поганый язык, – расстроилась Ляля, – я его себе когда-нибудь вырву. Ладно, расскажи про этого твоего новогоднего прынца. Что он хоть из себя представляет?

Таня принялась обстоятельно рассказывать про Диму – симпатичный, умный, обаятельный, серьезный, кругозор немереный, студенты его любят, добрый, великодуш...

– Какой-то просто не человек, а неправильная батарейка! – прервала Танину оду Ляля.

Таня осеклась:

– В смысле, Точкина?

– Да все со знаком плюс! – вздохнула Ляля. – Очень уж положительный этот твой Дима. А у правильной батарейки, как и вообще у всего на свете, есть два полюса: плюс и минус. В чем недостатки твоего Димы, где его минус?

Таня пожала плечами:

– У него нет недостатков.

– Да не бывает так, – возразила Ляля. – Значит, этот его невидимый минус такой хреновый, что и все плюсы забудет. Где он преподает? В МГУ, говоришь? А фамилия как? Что, значит, зачем интересуюсь? Просто так.

Но Ляля, конечно, интересовалась не просто так. Точкина развернула целое детективное расследование в отношении Таниного ухажера и через три дня примчалась к Тане довольная.

– Ну так есть минус, Танька. Прямо жирный минусище.

– Ты о чем? – не поняла Таня.

Ляля честно призналась, что через общих знакомых с журфака она разузнала всю информацию о Дмитрие Колесникове.

– С чего это ты в шпионы подалась? – обиделась Таня.

– Я за тебя переживаю, ты у нас неопытная, за тобой глаз да глаз нужен, – отрезала Ляля. – Так вот про главный минус этого твоего насквозь положительного Димы! Он уже пять лет живет со своей бывшей студенткой в гражданском браке. И не женится на ней и не уходит от нее. Есть-есть такие мужики – нерешительные, псы на сене. Хуже их ничего нет. Девке этой голову морочит и тебе будет.

Таня нахмурилась – женатый мужчина в ее представлении по определению принцем быть не мог, ну то есть мог, но чужим. А на чужое Таня никогда не заглядывалась.

Поэтому, когда в этот же вечер Дима ей позвонил, Таня обдала его холодом.

– Что-то случилось? – удивился Дима. – Тебе не понравилась моя лекция? А я хотел пригласить тебя в театр.

И тогда прямая девушка Таня без всяких экивоков – в упор – спросила:

– Ты женат?

– С чего ты взяла? – вскинулся Дима. – А, говоришь, общие знакомые рассказали? Таня, вообще-то я не женат. Хочешь, паспорт покажу?

Таня смутилась:

– Зачем паспорт, не надо. Просто мне сказали, что ты живешь с какой-то девушкой...

Дима замялся:

– Видишь ли, я действительно живу с девушкой... Но это сложная жизненная ситуация.

Таня вежливо, но твердо попросила объяснить, в чем, собственно, сложность. Дима рассказал, что когда-то он помог своей иногородней студентке с жильем, поселив ее у себя в квартире, поскольку той было негде жить. «Теперь мне просто неудобно попросить ее съехать,

понимаешь? Но нас ничего не связывает. Считай, что я просто сдаю ей комнату в своей квартире».

Таня с облегчением вздохнула – ну вот, оказывается, все легко объясняется. И да – давай пойдем в театр, я вообще очень люблю театр. Да, Дима, до завтра.

В отличие от Тани Ляля не была такой доверчивой.

Выслушав Таню, Ляля усмехнулась:

– Это он тебе сказал, что их ничего не связывает? Конечно, ничего, кроме постели, общего бюджета и общей жилплощади! Литератор хренов. Да и вообще, Тань, ты пойми... У него этих студенток – завались! И каждый год – новый курс, он там как петух в курятнике. Тебе это надо?

Таня прислушалась к себе – внутри нее что-то как будто кипело и требовало выхода. Любовь? Страсть?

– Я его люблю, – вздохнула Таня. – Мы завтра в театр идем. Слушай, Ляль... Ты можешь дать ключи от вашей с Леной квартиры? На один вечер.

Ляля охнула:

– Ты чо, Киселёва? Решила ему отдаться? Это самая бессмысленная инвестиция твоей непорочности!

– Со своей непорочностью я как-нибудь сама разберусь, – пожала плечами Таня. – И вообще... Нам просто чаю попить.

Ляля хмыкнула:

– Ага, чаю! Это теперь так называется?

Таня развела руками:

– Ну не могу я его к себе пригласить – у меня родители, ты же знаешь. У него в квартире кто-то живет. А тебе разве жалко уступить квартиру на один вечер? Тем более Лена на гастролях. Дай ключи?!

– Не дам! Он тебе не подходит! – Но увидев, как Танины губы задрожали, Ляля вздохнула: – Ладно, бери, порть себе жизнь. Ты же все равно меня не слушаешь. И в конце концов не трахаться же вам в подворотне. На, держи.

На следующий день перед театром Таня заехала к Ляле, чтобы забрать ключи. Ляля придирчиво оглядела подругу.

– Это так ты в театр идешь?! Ох, вечно ты, Киселёва, ходишь, как старая клюшка! Вот что это у тебя за колготки? – Ляля бесцеремонно задрала Танину юбку. – Что за хрень такая? Гамаши у своей бабушки- соседки одолжила?

– Сейчас зима, – смутилась Таня, – холодно.

– Холодно ей, видите ли! – фыркнула Ляля. – Терпи! Ты женщина, в конце концов, на свидание идешь! Могла бы надеть сексуальные чулки. Вот, смотри! – Ляля гордо подняла юбку и продемонстрировала сексапильные чулки с пикантным швом сзади.

– Ну, так все равно же никто не увидит, что это чулки! – удивилась Таня.

– Убийственная логика! При чем здесь увидят-не увидят, главное, ты сама в этих чулках себя будешь чувствовать по-другому! погоди, у меня есть в запасе новая пара! – Ляля порылась в шкафу и вытащила упаковку. – Вот, держи! Сама ведь ни за что не купишь! Да иди, переоденься!

И дернул же Таню черт послушаться Точкину, напялить эти дурацкие чулки и отправиться в них в театр!

Мало того, что с самим спектаклем было что-то не в порядке и выдержать столкновение с современной культурой оказалось занятием не из легких, так еще и Лялькины чулки стали сползать с Тани прямо во время спектакля, а подтянуть Таня их, понятное дело, не могла.

В антракте Дима пригласил Таню в театральный бар. Когда Дима ушел за шампанским, Таня с ужасом поняла, что чулки начинают спускаться все ниже. Таня застыла как истукан и буквально боялась пошевелиться.

Когда Дима вернулся с шампанским и канапе, Таня поняла, что один чулок-сволочь таки начал выглядывать из-под юбки. «Вот спасибо тебе, Точкина!» – мысленно отсалютовала Таня подруге.

– А спектакль – дрянь, – вдруг сказал Дима, – впрочем, сейчас они, кажется, все такие. А мы точно должны досматривать эту ахинею до конца? Ты говорила, что пригласишь меня сегодня к себе... Может, поехали прямо сейчас?

И Дима так посмотрел на Таню, что она покраснела, а сердце у нее начало стучать, как у зайца.

Они выскочили из театра, взяли такси и поехали в Лялину квартиру.

* * *

Войдя в квартиру, Таня поняла, что Ляля постаралась создать для них с Димой атмосферу в романтическом стиле. Но поскольку у Ляли были свои представления о прекрасном, ее «романтик» получился, на Танин взгляд, довольно вульгарным. В центре комнаты на столе стояла бутылка шампанского и два бокала, а на расстеленном диване призывно краснело шелковое постельное белье красного – вырви глаз – цвета. Но самое главное, что рядом с шампанским, в центре стола – привет от заразы Точкиной – стоял чайник. Так сказать, для всех желающих попить чайку.

Увидев эту «располагающую к интиму» обстановку, заботливо созданную подругой, Таня запунцовела и стала такой же красной, как бесстыдные Лялины простыни.

Таня растерянно хлопала глазами, понимая, что со стороны все это выглядит так, как будто она заранее знала, что Дима придет к ней в этот вечер (притом придет с определенной целью). И в этот миг ее чулки еще больше приспустились, выглянули из-под Таниной юбки и нелепо повисли. И без того изумленный Дима уставился на Таню во все глаза. Потом он зачем-то опустился на колени и попытался натянуть ей чулки. Таня оттолкнула его руки. Но он вплотную приблизился к ней и начал целовать ее – порывисто, страстно.

– Ну что ты, как можно, нет, – прошептала Таня.

– Да, да, – улыбнулся Дима.

Чулки пали к Таниным ногам, но это было уже, в общем, не важно.

У Тани совершенно не было сил противиться бурному натиску Димы. Все полетело куда-то в тартарары, сделалось ничтожным и незначительным, все, кроме их любви. Потом Дима метнулся к двери и повернул в замке ключ.

Глава 2

На старый Новый год Дима предложил Тане отправиться с ним за город на пустующую дачу его друзей.

Большой уютный дом в лесу, тишина, и никого вокруг. Невозможное, ошеломительное счастье – Таня открывала для себя совершенно новый волнующий мир чувств и ощущений.

На второй день пребывания в доме, рано утром Таня вышла на крылечко – счастливая, утомленная любовью (этой ночью Дима перецеловал каждый сантиметр ее тела) – и вдохнула зимний, морозный воздух. Шел сильный, щедрый снег, и на душе у Тани было светло и чисто. И она вдруг заплакала от какого-то болезненного, переполняющего ее счастья.

Таня была абсолютно счастлива. Впереди была долгая жизнь для любви и счастья.

* * *

Четыре года спустя
Январь 2009 год

Настроение у Тани было совсем не новогоднее. Она до последнего надеялась, что Дима предложит ей встречать Новый год вместе, но накануне он сказал, что у него другие планы. «У нас предполагается скучный семейный праздник – мои родители, родственники со всех городов и весей, короче, тоска зеленая. Тань, считай, что я тебя просто спасаю от этой тоски!»

После этого ее радость от предстоящего праздника сразу померкла. Новый год она встретила дома, с родителями, и в каком-то странном «режиме ожидания». То есть Таня все время прислушивалась к своему телефону (даже держала его рядом с собой), чтобы не пропустить Димин звонок – он ведь обязательно позвонит ее поздравить.

В какой-то момент Танина мама не выдержала и мягко сказала дочери:

– Таня, вы четыре года встречаетесь... А ты так и ждешь его звонка. Это игра в одни ворота, Танечка.

– Это любовь, мам, – грустно улыбнулась Таня.

После полуночи в гости к Киселевым заехала веселая, чуть поддтая Ляля; можно сказать, ворвалась шальным вихрем – декольте до пупа, шутки-прибаутки, пакеты подарков (в Ляле все было с размахом, и подарки она дарила тоже так – щедро, безмерно), ослепительная улыбка.

Ляля сказала, что заехала на минутку (очередной поклонник ждал ее внизу, в машине), вручила подарки и обняла Таню.

– Тань, а ты чего такая? Как покойник перед отпеванием?

Таня вздохнула – она знала, что Ляля не одобряет ее романа с Димой, и не дай бог она начнет сейчас в очередной раз выговаривать...

– А я знаю, – вскинулась Ляля, – это из-за него, да? Ладно, можешь не отвечать, и так ясно.

– Ну просто Дима с родителями отмечает, у них там семейный Новый год, – забормотала Таня.

– С родителями?! – фыркнула Ляля, – да неужели? А я вот думаю, что на самом деле...

– Перестань, прошу тебя, – крикнула Таня. – Не надо.

– Тебе не надоело в этом вагоне ехать? – усмехнулась Ляля. – Дима твой – станция метро «Динамо». И ты с ним никуда, вот абсолютно никуда не приедешь! Вы вместе четыре года, но ничего не меняется. Вот скажи, он тебе предложил что-то конкретное?

Таня пожала плечами:

– Ну... Пока нет.

– А дальше что? Так и будешь ждать, как собачонка, когда он тебя позовет?

Таня закусил губы:

– Ляля, оставь, и так больно.

– Ты будешь ждать его всю жизнь, – отчеканила Ляля, – и ездить по этой ветке метро «Динамо» по кругу. Тебе это надо?

– Нет. Я не хочу по кругу, – вздохнула Таня, – но что мне делать, если я его люблю? Понимаешь, я думаю... Ну надеюсь на то, что со временем я смогу стать для него незаменимой, нужной.

Ляля с негодованием всплеснула руками:

– Вот ведь устроился гад! И никаких обязательств! Ты в эксплуатации удивительно экономичный вариант! Он хоть подарки тебе дарит?

Таня кивнула:

– Конечно. Вот на Новый год кота плюшевого подарил, книгу по искусству, между прочим, хорошую.

– Кота плюшевого? Охренеть. Да он щедрый, как арабский шейх! – заклокотала Ляля.

Таня отвернулась к окну, в которое был виден падающий снег:

– А знаешь, я никогда не забуду тот день, четыре года назад. Как красиво все начиналось. Я рассыпала апельсины на снегу, а Дима...

– Блин, Танька, уж лучше бы у тебя была аллергия на цитрусовые! Ладно, поеду поздравлять Лену и Еву! – Ляля вздохнула и посмотрела на Таню с таким сочувствием, как смотрят на тяжело больного человека.

Веселая красивая Лялька упорхнула в метельную новогоднюю ночь, а Таня осталась ждать у окна – телефон в руке, комок в горле. Вот сюжет на все времена – одинокая женщина, застывшая перед крестовиной окна, съжившаяся от осознания своего сиротства и ненужности. И если история происходит в новогоднюю ночь – это печальнее вдвойне.

* * *

Еще один год отсыпал снегами, отзвенел капелью и отшумел осенней листвой. Наступил следующий Новый год. История повторялась – у Димы вновь были какие-то важные дела и жизненные планы, не пересекающиеся с Таниными. И Таня вновь встречала Новый год с родителями.

А между этими Новыми годами – от самого первого, счастливого, когда они с Димой встретились, и до самого горького, последнего – была жизнь с ее надеждами, разочарованиями, любовью, болью, трудным счастьем.

...С самого начала их отношения складывались довольно странно. Не так, как бы хотелось Тане и как ей вообще представлялись гармоничные отношения двух любящих людей.

Это была любовь по расписанию. Для встреч с Таней Дима выделил три дня в неделю, и это «расписание» он нарушал очень редко.

Они встречались в квартире, которую Дима снимал у своего приятеля, уехавшего за границу. Причем в основное время Дима жил в другой квартире. При этом он никогда не заводил речь о том, чтобы они жили вместе. Однажды, когда Таня, не выдержав, спросила его, не планирует ли он глобальных перемен в своей жизни, Дима, вздохнув, ответил, что вообще планирует, но не сейчас. «Сейчас у меня карьера и защита кандидатской. Потом сразу – докторская». Дима действительно был заиклен на своей работе – он читал лекции в двух вузах, писал статьи и готовился получить ученую степень.

Таня с грустью понимала, что в чем-то ее подруга Ляля была права. Дима состоял из сплошных достоинств, но один недостаток у него все-таки имелся – он был абсолютным и законченным эгоцентриком. Больше всего на свете Дима любил себя.

А Таня... Тане позволялось его любить. И Таня любила – преданно, самоотверженно, ничего особенного не прося взамен. Она надеялась на то, что со временем она станет ему нужной, он к ней привыкнет и без нее не сможет. Таня искренне старалась быть Диме полезной – перепечатывала его статьи и диссертацию, переводила его работы на английский язык и была чем-то вроде Диминого секретаря. Таня верила, что ее любовь все сможет исправить, но время шло, а ничего не менялось. За исключением Таниного возраста. Часики тикали, и вот Тане исполнилось двадцать девять, а потом тридцать.

Иногда ей казалось, что она, словно герой старой немецкой сказки, который заснул у заколдованного ручья, проспал сто лет, а проснувшись, даже не понял, что прошло столько лет. Вот и она так: застыла на несколько лет с телефоном в руках в ожидании, когда Дима ее позовет – на любовное свидание, или в театр, или помочь ему набирать бесчисленные тексты.

Нет, конечно, не то, чтобы она в эти годы только и делала, что ждала и любила Диму. Таня любила свою работу – на эти годы пришлось ее становление в профессии, она много работала, бралась за любые заказы. Можно даже сказать, что благодаря сложностям в личной жизни она работала куда больше, чем если бы у нее был любящий муж; пустые вечера и одинокие выходные надо было чем-то заполнять, чтобы не захлебнуться в тоске, и заполнять лучше – вот это беспроигрышный вариант – любимым делом. Так что Таня рисовала, оформляла книги, осваивала новые дизайнерские художественные программы. В профессии она в эти годы как раз очень реализовалась и добилась того, что ей стали поручать самые ответственные заказы в крупном издательстве. Так что спасала любимая работа, подруги и любящие родители.

Кстати, ни Танины родители, ни ее подруги не одобряли Таниного романа. Лена умоляла Таню бросить Диму, уверяла, что Таня зря тратит на него лучшие годы. Ляля была готова «набить ему морду» и порывалась с ним объясниться. Но Таня всякий раз отвечала, что сама разберется со своей жизнью и даже если подруги правы во всем сто тысяч раз, она все-таки предпочитает остаться с Димой.

А потом она узнала, что он женится.

* * *

По выражению Лялиного лица – мрачнее тучи – Таня сразу поняла, что что-то случилось.

– А ты, конечно, ничего не знаешь? – с горечью спросила Ляля.

– Ты о чем? – не поняла Таня.

– Ну этот твой Колесников женится. Я от знакомой с журфака узнала. Тань, ну вот что у тебя такие глаза, как будто тебя расстреливают? Словно ты ничего не подозревала?!

Таня опустила голову – с некоторых пор она о чем-то таком догадывалась, интуитивно чувствовала, что у Димы есть кто-то еще, но гнала эти мысли, уговаривала себя не верить.

– Я же тебе давно говорила... вздохнула Ляля, – это – Диминая давняя пассия, его бывшая студентка. Ну помнишь, та, с которой они в гражданском браке жили? Короче, девица его дождала – забеременела, вот он и женится. Тань, ну не смотри ты так, я сейчас зарыдаю! Может, тебе стоило быть с ним понастойчивее?! Тоже нахрапом взять? Все-все, молчу.

Таня чувствовала, что у нее под ногами немного шатается земля. Неужели это может быть правдой?!

Выслушав Танин вопрос, Дима сник. «Да, правда, женюсь. Как так вышло? Да черт его знает. Можно сказать, что вынужден. Понимаешь, она беременна, поставила меня перед фак-

том. Да, это та самая девушка, которая жила в моей квартире. Ну, понимаешь, мы давно знакомы...»

Таня невольно отметила, что блестящий лектор Дмитрий Колесников в этот миг был поразительно косноязычен. Она молчала, слушая его сбивчивые – словно бы оправдывался перwokлассник, не выучивший урок, – объяснения.

– Да что ты молчишь, Таня? – взорвался Дима.

– А что я могу сказать? – выдавила Таня.

– Ну просто я тебе честно говорю, что женюсь, – сказал Дима, – потому что хочу, чтобы наши отношения строились на честности и доверии. И честно говорю, что этот брак для меня ничего не значит.

Таня посмотрела на него (если бы взглядом можно было ранить!) и протянула ему ключ от квартиры, где они обычно встречались:

– Никогда! Слышишь, больше никогда не звони мне и не ищи меня. Вообще забудь.

Она повернулась и пошла прочь.

– Подожди! – крикнул ей вслед Дима.

Таня обернулась, чтобы еще раз крикнуть: «Никогда!» – и побежала.

* * *

Он позвонил ей через полгода. В эти полгода Таня, можно сказать, не жила – так, засыкала на корню, не видя ни в чем ни радости, ни смысла.

И однажды ночью раздался звонок. Пьяный Дима начал рассказывать о том, как ему плохо без нее, и что тоже ни радости, ни смысла в его жизни без Тани нет. «Тань, а помнишь, как мы встретились? Тань, я без тебя вообще не могу. Веришь, Тань? Хочешь, я сейчас приеду?»

Он звонил ей три ночи подряд. Жаловался на то, как жена его не понимает и что их, в принципе, ничего не связывает. На четвертую ночь Таня сдалась. И все началось сначала. Встречи украдкой, выделенные дни недели для свиданий. Только теперь у Димы где-то, на заднем фоне, присутствовали жена и маленький ребенок. А у Тани – полное отсутствие каких бы то ни было надежд, потому что лишать ребенка отца она бы не стала.

Узнав о том, что на Танином горизонте вновь нарисовался «этот мудаковатый Дима», Ляля схватилась за голову:

– Я поняла, Киселёва, у тебя сильная виктимность! Ты ведешь себя как потенциальная жертва. Вот на тебя дерьмо плывет, и тебе бы отплывать в другую сторону, а ты прямо ему навстречу руки протягиваешь – сюда, сюда, причаливай! Нет, все, я пас, больше ни во что не вмешиваюсь.

...И еще пара Таниных лучших женских лет упала в копилочку счастливых воспоминаний.

Дима теперь уделял ей два вечера в неделю: во вторник и в пятницу. Иногда на ее долю выпадал дополнительный вечер – в четверг. А если Димины жена уезжала к матери – любовники проводили вместе и выходной. Теперь они встречались в квартире приятеля Дмитрия. Это была квартира в спальном районе на окраине города. Им обоим приходилось мотаться в этакую даль, и обычно домой Таня возвращалась к часу ночи. Чужая квартира, чужая кровать, чужой муж... Боже, как все это уныло и безнадежно. Но приводить Диму к себе домой Таня не могла – ей было стыдно перед родителями.

А в последний год их отношений у них уже почти не оставалось времени на себя самих. Дима, защитив кандидатскую, готовил докторскую, отчаянно не успевал со сдачей, и по вече-

рам, когда они встречались, он диктовал Тане главы своей работы, и она набирала их на компьютере. В дни, которые он проводил дома, Таня редактировала его работу.

Защита состоялась весной. В этот день Таня жутко волновалась, все-таки, как ни крути, она тоже имела отношение к этой диссертации. Она приехала в квартиру их тайных встреч, наготовила всякой всячины и стала ждать Диму. Она даже не сомневалась, что защита пройдет успешно, он скоро приедет, и они отметят это событие. Наконец Дима позвонил.

– Таня, можешь меня поздравить! Спасибо! Если бы не ты... В общем, сама знаешь!

– Приезжай скорее, будем отмечать!

– Видишь ли... – его голос как-то потускнел, – я не смогу сегодня приехать. Жене пообещал отметить дома. Она там готовилась, стол накрыла, гостей позвала. Ты только не обижайся... Мы с тобой в пятницу отпразднуем.

– Ах, да! В самом деле, я забыла, что сегодня среда. А среда по расписанию не мой день.

Голос Димы посуровел:

– Ты что обиделась, Таня?

– Ну что ты... Как я могу на тебя обижаться? Да и в чем смысл – все равно ничего не изменится. Ладно, не обращай внимания. Все-таки у тебя такое событие! Желаю удачно отметить. Целую, пока!

– До пятницы! – успел крикнуть он, прежде чем она положила трубку.

Она плакала, сидя в пустой чужой квартире. Потом смахнула приготовленную еду в контейнеры и поехала домой.

...Увидев, как Таня с траурным выражением лица раскладывает еду по тарелкам, Танина мама, Наталья Антоновна, испугалась:

– Таня, что с тобой?

Таня пожала плечами:

– Нормально все. Вот, в издательстве был банкет, я привезла вам еду.

– Как много, Таня! – удивилась мама. – Куда столько? Не съедим!

– Ну, отдадим собакам!

– А почему ты такая расстроенная? Ты что... плачешь?

– Что ты, мама, вовсе нет, – вздохнула Таня, – просто дико болит голова, и день выдался трудный. Знаешь, бывают такие дни, когда ничего не ладится.

– Знаю, – кивнула Танина мама, – но они проходят.

– Мама, скажи, а ты была счастлива? – вдруг спросила Таня.

– В каком смысле, Танюша? – не поняла Наталья Антоновна.

– Разве может быть несколько смыслов? Просто скажи – была ли ты счастлива? Как женщина?

– Ну, конечно. Я и сейчас счастлива. Я люблю тебя, папу. Собаки, в конце концов, у нас какие славные. И потом у меня есть любимая работа.

– Это понятно. Но вот скажи – была ли ты счастлива сама по себе, для себя самой? Безотносительно нашего счастья и семьи?

– Господи, Таня, о чем ты говоришь, – почему-то испугалась мама, – я и не думала об этом. Меня вообще так воспитывали, что нельзя думать о себе и о чем-то только для себя...

– А разве это правильно? – не сдержалась Таня.

– Я не знаю, – потерянно ответила мама, и Тане вдруг стало ее очень жаль. – Ты ешь, мама, не обращай внимания, это я так...

– Ты просто у меня очень хорошая девочка, – вздохнула мама, – очень хорошая. Я даже иногда думаю, что будь ты немного... другой, ты была бы счастливее.

– Ну теперь уж что, – усмехнулась Таня, – уж какая есть.

Следующие две недели Таня с Димой не общались. А потом он пришел к ней печальный и торжественный, с букетом цветов и конфетами, и она его простила.

* * *

В тот день в середине декабря Таня отмечала важное событие в своей жизни – ее иллюстрации получили главный приз важного международного конкурса. По такому случаю Таня собрала подруг у себя в гостях. Девочки разговаривали, смеялись, кажется, у всех было хорошее настроение, кроме самой Тани. Дело в том, что Дима, который знал о ее премии и о том, какое значение Таня придает этому событию, до сих пор так и не позвонил, чтобы ее поздравить. И только поздно вечером, когда Таня уже проводила подруг и осталась одна с собаками (родители в этот вечер уехали на дачу), раздался звонок.

Дима торопливо, словно его жена стояла под дверью и подслушивала, поздравил ее. После такого поздравления Тане поплохело окончательно.

Она понимала, что в Диминой жизни она – «просто Таня». Именно просто – запасной игрок на скамейке запасных.

Таня чувствовала опустошенность и бесконечную усталость, словно бы внутри нее перегорела какая-то лампочка. А без этой лампочки – все, Таню Киселеву больше не включишь.

И Таня разревелась так, что даже собаки встревожились и стали лизать ей руки.

– Да отстаньте вы, – сквозь слезы сказала Таня, – все, все, не буду больше. Сама знаю, что нельзя.

...Неизвестно сколько бы тянулась их с Димой история, если бы эта туго закрученная пружина их отношений вдруг не рванула.

* * *

Однажды вечером раздался резкий дверной звонок. Открыв дверь, Таня увидела на пороге ярко накрашенную женщину лет тридцати. Женщина была довольна красива, правда, ее лицо портили неестественные, татуированные брови.

– Татьяна Киселёва? – спросила незнакомка. – Я к тебе.

Таня осеклась – резкое «ты» не предвещало ничего хорошего, да и вид у незнакомки был воинственный.

– Простите, а вы...? – Таня вопросительно взглянула на незваную гостью.

– Я пройду, – тоном, не терпящим возражений, сказала незнакомка.

Таня пригласила девушку с татуированными бровями пройти на кухню. Танина мама в это время болела и спала после сделанного Таней укола, и Таня боялась, что незнакомка ее разбудит.

На кухне девушка уверенно, не дожидаясь приглашения, села за стол.

Таня села напротив, ожидая каких-то разъяснений. Незнакомка оценивающе, как может только женщина, оглядела Таню и хмыкнула:

– Я представляла тебя другой. Думаю, он мог бы выбрать что-нибудь поинтереснее!

Тут уж Таня сразу догадалась, кто перед ней, и покраснела, что не осталось для гостьи незамеченным.

– Я – Вика, жена Дмитрия, – кивнула незнакомка, – полагаю, пришло время нам познакомиться. Думаю даже, что давно было пора. Но я все ждала, что у кого-то кончится терпение и ситуация сама рассосется. А потом поняла, что у такой терпилы, как ты, оно, пожалуй, никогда не закончится, и женщине надо как-то помочь определиться. Ну в общем, я узнала твой адрес и вот пришла.

Таня молчала, не зная, что сказать.

– Странное дело, – презрительно заметила Вика, – мы с тобой столько лет как будто в игру играем – кто кого пересидит.

– И кто выиграл? – вздохнула Таня.
– Ну так я за тем и пришла, чтобы определить призовое место, и разыграть главный кубок – Диму драгоценного, – усмехнулась гостя. – И не стыдно тебе, Татьяна Киселёва, красть чужое?

Таня опять промолчала.

– Так как делить будем? – Викины брови высокомерно поднялись.

– Я виновата перед вами, – потерянно сказала Таня, – я понимаю.

– Конечно, виновата, – кивнула Вика.

– Простите меня. Все это очень мучительно для всех.

– В первую очередь – для меня! – уточнила Вика. – Кстати, ты знаешь, что у него есть сын?

– Знаю. Дмитрий его очень любит.

– Любит... Хотела бы я знать, кого Дима любит, кроме себя, – протянула она с иронией. – Ну а ты знаешь, что ребенок болен? У нашего сына большие проблемы со здоровьем, ему нужна операция, и ему совершенно точно нужен отец. На постоянной основе, а не такой вот... в бегах и в романах на стороне.

– Я не знала, что ребенок болеет, – вздохнула Таня. – Я вам очень сочувствую.

– Тогда оставь моего мужа в покое.

Из комнаты послышался крик Таниной мамы.

– Извините, я должна отлучиться, – вскинулась Таня. – У меня мама болеет.

– Я подожду, – Вика пожала плечами.

Таня вернулась через пять минут. Димины жена сидела за столом и курила.

– Врачи говорят, что ребенку нужна спокойная жизнь, без всяких стрессов. А если мы с Димой разойдемся, ему будет плохо. Ты этого хочешь?

– Нет, – честно сказала Таня.

– Да и вообще, на кой черт тебе Димка сдался? – усмехнулась Вика. – Женатик с нищенской преподавательской зарплатой? Найди себе нормального мужика. Ты – нормальная женщина, красотой особо не блещешь, но вполне симпатичная, одна не останешься. Только не затягивай, считай, твой поезд уже уезжает. Зачем тебе это ничтожество?

Таня покачала головой:

– Ну зачем вы так?! Разве не знаете, что Дима – очень умный, талантливый, совершенно незаурядный человек!

– Не смей меня, – фыркнула Вика.

Таня вздохнула:

– Вы его совсем не любите?

Вика взглянула на Таню едва ли не с участием:

– Мне говорили, что ты странная, с придурью, но чтобы так... Ну причем тут вообще любовь? Просто демографическая ситуация в стране сложная, мужчин на всех желающих не хватает. И я за свое буду биться. Не отдам. Так что уж давай как-нибудь договоримся. А впрочем, поступай, как знаешь. Если совесть позволяет – можете встречаться дальше.

– Нет, этого больше не будет, – твердо сказала Таня, – я обещаю! Мы расстанемся.

Вика поднялась, вышла в коридор и молча ушла.

...– Таня, – мама приподнялась с кровати, – кто приходил?

В последний месяц она редко поднималась, все больше лежала и только иногда привставала, чтобы погладить собак.

– Агитаторы, на выборы приглашают, – сказала Таня.

– А что это у тебя такое лицо? – забеспокоилась мама. – Они тебя чем-то расстроили?

Таня наклонилась, чтобы спрятать лицо, и погладила собак – черно-белого Мотю и бело-черного Прохора. Обе собаки были крупными дворнягами. Таня подобрала их когда-то на улице в морозы.

– Все хорошо, мама, скоро Новый год, будем отмечать! – Таня вымученно улыбнулась.

– Конечно, праздники – это замечательно, – кивнула мама, – я испеку для вас торт. А хочешь – даже два. «Огонек» посмотрим. Все хорошо.

* * *

Раньше Таня вообще не представляла Диминову жену – она была для нее полной абстракцией. Таня не могла воспринимать ее как живого человека, разве что как строчку в Димином паспорте. А после встречи с Викой та обрела плоть и кровь, и оказалось, что это живой человек. У нее есть имя и брови вон татуированные. И ей тоже может быть грустно, больно, обидно. Как самой Тане.

Диминова жена стала для Тани живым человеком, а совершать подлость по отношению к живому человеку значительно сложнее, чем если бы ты имел дело с абстракцией. Тут уже включаются всякие дополнительные смыслы типа совести, жалости и т. д. А этого «добра» у Тани было, пожалуй, даже с избытком. И потом – ребенок. Маленький больной мальчик. И если для его здоровья и благополучия нужно было принести в жертву свое личное счастье, то Таня готова. И думать не о чем.

...На следующий день Таня сказала Дмитрию, что им надо расстаться.

– Почему? – изумился он.

– Я больше не хочу краденого счастья.

– Ты дура, – серьезно сказал он, – счастье не бывает краденым и вообще не нуждается ни в каких эпитетах.

Был очень морозный декабрьский вечер, они стояли в их любимом сквере. Таня понимала, что у нее совсем немного сил, и, если Дима окажется настойчив, ей будет трудно настоять на своем.

– Мы оба будем жалеть об этом, Танька! Понимаешь?

В его глазах застыла растерянность.

– Конечно, Дима, я знаю. Да, мы будем жалеть. Но так надо.

– Кому надо? Какая-то глупость, я ничего не понимаю... Хорошо, я сделаю, как ты хочешь. Прощай? – почему-то вопросительно сказал он.

«Господи, где мне взять силы, чтобы не разреветься прямо здесь. Только не сейчас, потом будет можно...»

– Прощай! – она развернулась и почти побежала прочь.

Весь вечер Таня бродила по городу. Потом она вернулась домой, потому что ей надо было заботиться о маме. Что ж, по крайней мере теперь она больше времени сможет проводить с матерью.

Кстати, о том, что Таня рассталась с Димой, ее мама догадалась без всяких Таниных признаний.

Наталья Антоновна погладила Таню по голове и сказала свою излюбленную фразу:

– Ты у меня хорошая. Очень хорошая.

– Я у тебя просто дура, – сквозь слезы улыбнулась Таня, – но боюсь, что это не лечится.

Потом был грустный Новый год – мама не испекла торт, она вообще уже не вставала. А потом в январе заболел и папа.

И вновь Таня спасалась работой, любовью подруг и родителей. А потом родители умерли. Ушли один за другим, с разницей в две недели.

Для Тани их смерть стала погружением в полное, отчаянное и непоправимое сиротство. Кто-то сказал, что наши родители, пока они живы, как бы стоят на самом краю бездны и защищают нас от нее. А когда они уходят, на этот край встаем мы, чтобы защищать от бездны своих детей. Таня почувствовала этот край. Теперь она стояла на самом краю. Ее больше никто не защищал.

...После похорон Таниной мамы подруги собрались у Киселевых дома.

Таня, Лена, Ева и Ляля – бледные, притихшие. Собаки примостились рядом. Они понимали, что случилась беда, и нервничали, а Мотя даже иногда подвывал. Лена его ругала.

– Таня, может быть, выпьешь водки? – предложила Ева, – станет легче?

– Нет, не хочу. Я не хочу легче, – отказалась Таня. – Пусть будет так.

Они сидели и просто молчали. Слез уже не было. И только когда Мотя вдруг метнулся под диван и достал оттуда тапки Натальи Антоновны, Таня разрыдалась. И девочки тоже заплакали.

В ту зиму самые страшные две недели, сразу после похорон, рядом с Таней провела Лена. Подруга переехала к ней домой и неотлучно была рядом. У Лены был свой опыт проживания горя, и она понимала Таню, как никто другой.

Затем пришла весна. Таня много времени проводила за городом в родительском доме в подмосковной деревне Сергино. Этот небольшой деревянный дом когда-то построил ее отец. Дом окружал великолепный сад, в котором все деревья и цветы были посажены Таниной мамой. Таня очень любила этот дом, и, если бы ее спросили, что для нее Родина, она бы не задумываясь ответила, что это – ее отчий дом в Сергино. Несмотря на то, что земля в этом подмосковном районе стоила дорого, ни Таниным родителям, ни теперь уже самой Тане и в голову не приходило продать дом. Хотя на вырученные от продажи деньги Таня могла бы купить роскошную квартиру или современный коттедж в другом месте, но... Этот дом был для нее живым, каждое бревнышко в нем помнило Таниного отца, и Таня считала, что продать дом означало бы предать родителей.

В ту весну Таня приезжала в Сергино на каждые выходные, сидела у камина и смотрела на огонь. А к лету она вообще решила туда переехать. Чтобы свободно перемещаться из Москвы в поселок, Таня пошла на курсы вождения и, сдав на права, стала ездить на отцовской машине.

Ляля, впервые увидев Таню за рулем выдавшей вида «приоры» (на переднем сиденье рядом с Таней сидел здоровый нескладный Мотя, на заднем – Прохор), рассмеялась:

– Ну вы даете! Я над тобой, Киселёва, угораю, какой-то просто цирк шапито на колесах.

Все лето Таня с собаками провела в Сергино. К ней часто приезжали подруги – ходили в лес за грибами-ягодами, загорали на речке, подолгу сидели на веранде за пирогами и разговорами.

В общем, постепенно жизнь налаживалась.

Глава 3

2017 год

И все-таки что-то болело где-то в самой потаенной, скрытой от посторонних глаз глубине Таниной души, какая-то тоненькая жилка жизни билась, рвалась, особенно по ночам. Но Таня почти научилась жить с этой болью. Наверное, как и ее подруга Лена.

Единственное, Таня избегала говорить о Диме. Вообще старалась не думать о нем, не упоминать его имени ни в разговорах с подругами, ни даже с самой собой. Поэтому, когда на этот Новый год, в гостях у Лены, Ляля вдруг его упомянула, Таня почувствовала такую боль, что решила уйти.

Так и получилось, что за десять минут до Нового года она стояла в скверике у Лениного дома и плакала, пока ее не нашла Ляля. Таня тогда обиделась на Лялю – та судила о вещах, которые сама Таня понимала и видела совсем иначе. Потому что даже сейчас она не считала Диму ошибкой своей жизни. Таня не засушила свои обиды в гербарий, чтобы время от времени перелистывать эти картинки и упиваться собственным несчастьем. Она предпочитала листать другие – с радостными, светлыми воспоминаниями – и помнить хорошее: например, как Дима трогательно заботился о ней, когда она заболела, как хорошо им было в совместном путешествии к морю, как Дима однажды возил ее заболевшую собаку в ветклинику.

– И не надо считать меня жертвой! – твердо сказала Таня подруге, когда Ляля умоляла ее простить.

– Ладно, Киселёва, не буду, погнажи Новый год встречать, – взмолилась Ляля.

И за пять минут до полуночи они побежали к Лене, чтобы успеть встретить Новый год.

В эту новогоднюю ночь у Лены они вспоминали, как встречали Новый год в две тысячи пятом году, как Лена в ту новогоднюю ночь проникновенно – на разрыв – пела «Чайку с розовым крылом» (как жаль, что Лена теперь совсем не поет!), потом смотрели «Иронию» по телевизору. И немного потертый с точки зрения современного зрителя, но все-таки обаятельный Женя Лукашин в стотысячный раз спрашивал у ясеня, а подруги в стотысячный раз соперничали красавице Наде.

Фильм закончился в четыре утра. Ляля с Евой уже откровенно клевали носами, и ближе к пяти утра подруги разбрелись по квартире – отсыпаться. А вот Тане было совсем не до сна. Из Лениного окна открывался изумительно красивый вид на засыпаемый снегом город и Тане захотелось прогуляться по сонным улицам.

– Куда ты в такую рань? – изумилась заспанная Лена, выглянув из спальни. – Половина шестого!

– Хочу повторить подвиг Нади из «Иронии судьбы» – пройтись по городу в новогоднее утро.

– С ума сошла! Оставайся, выспимся, потом позавтракаем! – предложила Лена.

Но Таня поцеловала Лену и ушла.

...Она долго бродила в тихих московских переулках. Новогодний снег кружился в свете фонарей. Было безлюдно и очень красиво. Ей почему-то вспомнилась песня, в которой были слова: «В первый день января не бывает чудес у любви!» Не бывает чудес у любви... А чудес, наверное, вообще не бывает.

Вон в том скверике ее возлюбленный Дима однажды написал на снегу: «Я люблю тебя, Таня!» Сколько снегов сошло после той зимы?! Исчезла надпись, исчез из ее жизни Дима. Он появился когда-то под Новый год как подарок, и расстались они тоже незадолго до Нового года. Не бывает чудес. А раньше Таня в них верила.

Таня вышла на Арбат, прошла своим любимым прогулочным маршрутом, и все это время она мысленно разговаривала с Димой. Ей хотелось верить, что он помнит о ней. «И каждый Новый год, с тех пор, как мы расстались, я загадываю одно желание – чтобы Дима иногда вспоминал меня, – вздохнула Таня, – нет, я не прошу, чтобы он ко мне вернулся, я только хочу, чтобы от нашей любви что-то сохранилось, например, память. Мне невыносимо думать, что от нее ничего не останется и она исчезнет, как та надпись на снегу».

Этот январь был снежным, и зима в этом году не спешила отступить. Таня уже как-то отчаянно скучала по весне, а она все не приходила. И март выдался холодным. О том, чтобы переехать за город и поселиться в Сергино, оставалось только мечтать. До тепла еще было так далеко.

Таня скучала – в выстуженной Москве было решительно нечем заняться. С подругами они сейчас встречались редко, девочки были заняты своими делами: Ляля погружена в очередную любовный роман, Ева и Лена загружены работой. Таня тоже старалась много работать, может быть, даже слишком.

В ту субботу она решила в кои-то веки устроить себе выходной – погулять по городу, посидеть в любимой кофейне с книгой.

...Она сидела за столиком у окна. Чашка кофе, хороший роман – что может быть лучше? Таня читала, иногда поглядывала в окно, наблюдая за жизнью большого города: потоки машин, спешащие пешеходы.

В кафе в этот час было оживленно илюдно. За соседним столиком галдела стайка пестрых девиц. Слева расположилась пара: он и она. Молодые, красивые, но что-то с ними было не так. Оба смотрели в свои телефоны, отчего возникало грустное ощущение, что друг другу они совсем не интересны.

Таня приподнялась, чтобы заказать очередную чашку кофе, и вдруг увидела, что шумные девицы за соседним столиком уходят, а к нему идут мужчина и женщина. Узнав в мужчине Дмитрия, Таня вздрогнула. Дима! Она не видела его несколько лет. Димины спутница – юная, яркая, модная – держала Диму под руку. Дима с девушкой уселись за столик в метре от Тани.

Тане захотелось исчезнуть, раствориться – все что угодно, только бы они ее не заметили. Почему-то ей была невыносима мысль о том, что Дима увидит ее. Встать и уйти? Но тогда он точно заметит. Вот ситуация... Между тем спутница Димы громко сказала, что отлучится на пару минут, и попросила его заказать ей фруктовый десерт. Димины девушка гордо пересекла зал – походка модели, надменный взгляд королевы. Красивая. Его студентка, наверное.

Оставшись один, Дима обвел зал скучающим взглядом и, конечно, – о нет! – увидел Таню. Его глаза расширились от удивления:

– Татьяна?

Через секунду Дима уже сидел за ее столиком.

– Надо же, Таня, это ты!

Он говорил с ней слегка виноватым голосом. Немного даже как доктор с безнадежно больным пациентом. Таню это не то чтобы задевало, но ей было неприятно.

– Как ты, Танюша?

– Хорошо, – она попыталась улыбнуться, чтобы ее жалкое «хорошо» прозвучало убедительно. Наверное, не получилось.

– А ты, Дима?

– Нормально, – сказал он теперь уже с такой очевидной виноватой интонацией, что стало ясно – как раз у Дмитрия все просто замечательно.

Она призналась, что искренне рада за него. Он обрадовался.

Они помолчали, а потом Дмитрий сказал, что часто вспоминает прошлое.

– Я тоже, – призналась Таня.

– Ты счастлива, Таня? – вдруг спросил Дима.

Таня неловко улыбнулась – это сложный вопрос.

– Знаешь, я хотел сказать одну вещь, – вздохнул Дима, – ну, в общем, надо было тебе тогда уводить меня и все...

– В каком смысле? – не поняла Таня.

– В смысле, увести из семьи!

– Как это «увести»? Ты же не баран, – тихо промолвила Таня.

Он смутился.

– Как твой сын, Дима?

Дима пожал плечами:

– В полном порядке. Умный, здоровый парень.

– Он здоров?

– Ну да, – усмехнулся Дима. – Я потом понял, что моя жена просто играла на этом, понимаешь? Придумала, что он болен, чтобы удержать меня.

– Я вижу, ей это не удалось?!

– А... Ты видела. Ну да, жизнь есть жизнь. Это Лариса – моя студентка, очень славная девушка.

Он дотронулся до волос, и Таня узнала этот до боли знакомый жест. Дмитрий всегда любил касаться своих темных роскошных волос. С грустью Таня отметила, что теперь они не столь роскошны и у Димы уже пробивается ранняя лысина.

– Полгода назад я ушел от жены, – сообщил Дима. – Лариса поставила вопрос ребром: или – или! Она молодец – решительная!

– Действительно – молодец!

К их столику подошла Лариса. Девушка удивленно и недовольно взглянула на Таню и обиженно спросила Дмитрия:

– Ты заказал мне десерт?

– Простите, мне пора, – через силу сказала Таня, – всего доброго.

Она накинула куртку и торопливо поспешила к выходу.

Таня шла по шумной московской улице в плотной толпе и чувствовала себя среди этой толпы, как белый медведь в тропическом климате. Ей хотелось плакать. А еще ей хотелось тишины и полного одиночества.

Потом она села в свою машину и поехала в Сергино.

Любимый, старый дом встретил как добрый друг. Таня смела снег с крыльца, открыла двери, вошла, повалилась на диван и долго плакала, жалея себя. «Счастлива ли я? У меня были любящие родители, Дима, есть этот дом, подруги и любимая работа! И все-таки, почему мне так жаль себя?!»

* * *

Свой день рождения в конце февраля Таня отмечать не собиралась. Она честно сказала подругам, что никого не приглашает – нет настроения и все тут. «Простите, девочки. Вам нужна вечеринка в похоронном стиле? Ну вот именно». Таня решила провести этот день как обычный, будничный – с утра засела за работу, разложила эскизы для книг.

Ближе к вечеру раздался дверной звонок.

– Ляля? – изумилась Таня, увидев на своем пороге нарядную Лялю.

– С днем рождения! – закричала Ляля. – Да-да, я знаю, что ты не отмечаешь, но меня и звать не надо – я же без комплексов!

Ляля scomандовала кому-то за ее спиной, и в ту же минуту в тесную Танину прихожую всунулся шкафообразный молодой человек с большой коробкой. Следом за ним зашел другой и тоже с ящичком в руках.

– Сюда, – приказала Ляля, махнув рукой, – все, парни, свободны.

Лялина группа поддержка исчезла.

– Что ты опять придумала? Что это? – встревожилась Таня.

– Подарки на твой день рождения! – Ляля расплылась в широкой улыбке.

Таня разволновалась – после того, как Ляля на прошлый День рождения подарила ей сертификат на прыжок с парашютом со словами: «Я тут подумала, что тебе надо бы как-то встряхнуться!», она побаивалась Лялиных затей.

– Здесь пылесос, – подмигнула Ляля. – Я тут подумала, что тебе он просто необходим!

– Почему? – не поняла Таня.

– Ну тебе ведь уже тридцать семь исполнилось? – Ляля едва сдерживалась, чтобы не заржать.

– И что?

– Ну, как же – вот с тебя скоро песочек посыплется, и значит, без пылесоса никак не обойтись! – Ляля расхохоталась, радуясь собственному остроумию.

Таня покачала головой – поручик Ржевский, ах, оставьте свои шуточки!

– Ляль, он дорогой, наверное? Ну зачем ты?

Ляля безмятежно махнула рукой:

– Да у меня вся квартира бытовой техникой завалена. У меня новый любовник – владелец супермаркета электроники. Он мне дарит и дарит эту бытовую фигню, уже девать некуда. А в этой коробке – отличное шампанское. Тут его столько, что до твоего сорокалетия хватит. Да не переживай, ничего не дорого, у меня любовник – владелец винного бутика и он... – Ляля осеклась.

Таня смотрела на нее с неподдельным ужасом.

– А что такого?! – Ляля протянула Тане пакеты с едой. – Я подумала, что мы можем сегодня устроить вечеринку с азиатской едой. Это суши и роллы из лучшего ресторана.

– Твой третий любовник – владелец азиатского ресторана? – не сдержалась Таня.

– Спокойно, – хмыкнула Ляля, – это я сама купила.

Раздался звонок в дверь. Открыв, Таня увидела на пороге Еву.

– Тань, я знаю, что ты не отмечаешь, – виновато сказала Ева, – но я не могла не прийти. Вот, здесь еда из нашего ресторана! – Ева протянула Тане два огромных пакета. – Блюда итальянской кухни, итальянские десерты. У нас владелица – армянка, а ресторан – итальянский, смешно, да?

– Очень, – заржала Ляля, – у нас тут намечается какой-то гастрономический фестиваль народов мира.

В дверь опять позвонили. На пороге стояла Лена.

– Девочки, а вы тоже здесь? – удивилась Лена, входя в прихожую. – Танечка, прости, но я не могла тебя не поздравить. Вот еды для тебя наготовила, блинов напекла, торт «Наполеон». Все как ты любишь!

Пока Таня накрывала на стол, подруги отбивались от натиска Таниных собак, жаждущих ласки. Бело-черный Мотя атаковал Лену, а черно-белый здоровенный Прохор пытался заскочить Ляле на колени, притворившись ручным миниатюрным шпичем.

– Во дает, – хихикнула Ляля. – Ну и псы у тебя, Киселёва, прямо звезды гламура! Нарочно таких подбирала? Нет бы, какого породистого завести – в костюмчике со стразами? Ходила бы себе изящной дамой с собачкой по району, глядишь, познакомилась бы в округе с каким-нибудь таким же собачником! И пошло бы у вас большое собако-человеческое счастье. А к тебе с такими псами ни один собачник не подойдет!

– Ты же знаешь, я их не заводила, – пояснила Таня, – они сами к нам прибились еще щенками в морозы на даче. Жалко их стало.

– Вот жалостливая ты очень, – хмыкнула Ляля и погладила Прохора. – Ладно, псы отличные, даром что не в костюмах. Я таких сама люблю, вот эти страхилады как-то... душевнее, что ли.

Прохор подпрыгнул и лизнул Лялю в нос.

В этот холодный мартовский день за шампанским и разговорами подруги просидели до позднего вечера.

Ближе к Лениному тарту и Евиным десертам, когда Таня ушла заваривать чай, Ляля взялась рассматривать новые Танины рисунки для детских книг.

Когда Таня вернулась, Ляля накинулась на нее, потрясая в воздухе рисунками:

– Это что?!

Таня смутилась – она сегодня нарисовала собаку для детской книги сказок. Только вот, учитывая общую Танину ипохондрию, собака в ее исполнении получилась не какая-нибудь там просто собака – хозяйская, довольная жизнью – а такая... душераздирающая собака. Хвост опущен, а в глазах надрыв, как у битой жизнью бездомной псины.

– Ты чо, Киселёва? Ты вот такое детям рисуешь? – возмутилась Ляля. – Да на таких книжках только неврастеников растить! Это не детская книжка, это просто Босх или Гойя! Твоими рисунками только детей пугать!

Таня застенчиво улыбнулась:

– Ну говорю же, настроение в последнее время как-то не очень...

– Так, а тут у нас что? – Ляля схватила Танины рисунки для другой книги. – Ну понятно, принцесса в башне из слоновой кости, сидит-дожидается, когда к ней принц на белом коне подкатит. Ой, мама дорогая!

– Да с этим-то рисунком что не так? – не поняла Лена. – Хороший ведь!

– Да все с ним не так, – взревела Ляля. – И со сказками вашими все не так! Вот после таких сказок и вырастают такие неправильные принцессы, как наша Таня! Небось, вас всех взращивали на специальной нежной «девичьей литературе» – сказках, легендах, мифах о спящей красавице и прочих принцессах, чья жизненная задача всецело заключается в ожидании персонального принца на белом коне, а лучше бы «мерседесе»? Вот девочки и вырастают с верой в то, что принц однажды постучится в их башню из слоновой кости, приобнимет, поцелует и наполнит их жизнь счастьем и смыслом. И вот они сидят и терпеливо ждут этого грандиозного события. Что молчите, не так что ли?

Таня с Леной выразительно переглянулись и пожали плечами.

– А в итоге ты, Киселёва Таня, принцесса – сороковник на носу! – ни одного даже завалившего принца за всю свою жизнь не встретила! Девочки, давайте скажем честно – современной женщине нельзя ждать милостей от природы, ей никто никаких принцев и «мерседесов» просто так не даст, она должна сама пойти и завоевать полцарства! Тань! – Ляля обняла Таню. – Ну пересмотри ты свои взгляды на жизнь! Пойми – каждый сам кузнец своего счастья, ну или несчастья. Смотри, кто что выбирает! И вообще... Говорят, что в дни, приближенные к дате твоего рождения, идеально начинать новую жизнь – строить планы, кардинально что-то менять! Подумай над этим!

Таня вздохнула – уж какая там новая жизнь?!

Подруги давно разъехались, а Таня никак не могла уснуть, вспоминая слова Ляли. Новая жизнь, перемены?

Она подошла к зеркалу и придирчиво себя оглядела: «Ох, на что ты стала похожа, дорогая Таня?! Какая-то просто тетя неопределенного возраста и сложной судьбы!» Особенно Таню

огорчала собственная фигура. В голове даже родилась обидная рифма: «Попа-попа, как у бегемота».

Может, и впрямь пришла пора проститься с прошлым и начать новую жизнь?

Таня взглянула на часы – было около полуночи.

Она набрала СМС-сообщение, как позывной SOS, посылаемый в ночь. «Ляля, ты еще не спишь?»

Точкина перезвонила тут же:

– Не сплю. А чо такое?

– Ну в общем, я решила, – выдохнула Таня, – изменить свою жизнь. Поможешь? Я не знаю, с чего начать!

– Конечно, помогу! – обрадовалась Ляля. – Значит так, будем делать из тебя звезду гламура и устроим твою личную жизнь. У меня есть план!

Часть 3

Не родись красивой

Глава 1

Отсыпал снегами февраль, пришел март, но весны все не было. «Ох, уж эти затяжные русские зимы! Ждешь весну как чудо, а она потом промелькнет так, что и заметить не успеешь, за ней лето пронесется скоростным поездом, а потом снова осень и бесконечная зима, и все опять по кругу...»

Ева выглянула в окно: засыпая любые надежды на весну, шел снег.

На часах было уже за полночь; увы, их ресторан с претенциозным названием работал до последнего посетителя, и значит, надо было ждать. Вот в такую бессонную ночь и вспомнятся вдруг сцены из детства: зимним утром так не хочется вставать и идти в этот ненавистный детский сад, но тебя, маленькую, сонную, будят засветло, и потом по зимнему холодному городу мама везет тебя на санках, а ты лежишь в них, как в лодке, и долго, до головокружения – пока опять не заснешь – смотришь в небо, в котором плывут огромные звезды.

– Ева Юрьевна, хотите чай? – в кабинет заглянула официантка Катя.

Ева кивнула.

...Библейским именем Еву наградила мать – та любила звучные и громкие имена, а это имя (уж как в веках прогремело!), как ни крути, было и заявлением, и поступком, и налагало ответственность на его носительницу.

Мать вообще связывала с Евой большие надежды – дочь категорически и бесповоротно должна была стать счастливой, успешной, любимой, и все это – в двойной степени, и за себя, и за нее, так и не сделавшей карьеры, и не знавшей счастья в нелепом, наскоро развалившемся союзе с Евиным отцом. Мать часто твердила Еве о ее особом предназначении «быть счастливой» и, готовя дочь к будущим победам, выбивалась из сил на двух работах, чтобы оплачивать дочкины наряды принцессы, уроки английского с репетитором, сольфеджио и бальные танцы. Благодаря материнским стараниям Ева к семнадцати годам имела все задатки для блестящего будущего, включая неординарные внешние данные, однако то ли счастья на всех не хватает, то ли Евина судьба выкинула финт, а только получилось так, что Ева разочаровала мать, не оправдав ее надежд на дочкино тотальное счастье.

Скажем, нынешнюю работу дочери мать бы, конечно, не одобрила – вместо того, чтобы стать специалистом по искусству эпохи Возрождения, как Ева собиралась в юности, она стала администратором в ресторане; да и с личной жизнью у Евы «незачет» – особенной любви, такой, чтобы оправдать ею всю жизнь, у Евы не случилось.

А почему, отчего не сложилось, не сбылось, кто его знает?! Уже когда в графе «счастье» у Евы стоял прочерк, мать, глядя на дочь, вздыхала: «Верно говорят – не родись красивой, а родись счастливой».

Ева, даром что родилась красивой (мать уверяла, что дочка – вылитая Брижит Бардо в ее лучшие, сочные годы), свою красоту конвертировать в счастье не сумела. В итоге Евина мать, погоревав, пришла к выводу, что, видимо, у них в роду по женской линии это генетическое: «Вот и твоя бабка была разведенкой, и прабабка, овдовев молодой, растила детей одна».

Недавно, в свои тридцать семь лет, Ева услышала фразу: «Надо было прожить жизнь, чтобы понять, что она тебе не принадлежит», которая многое проясняла в ее женской судьбе. Действительно, так, чтобы пожить «для себя», у нее – либо пока, либо уже – не получалось. Все время что-то мешало – разные жизненные обстоятельства, как говорится, непреодолимые.

И в этом смысле и у Евы, и у ее матери, и у Евиной бабки эта особенность была общей, тем самым «генетическим» свойством, о котором говорила мать.

...Чай не помог – от усталости клонило в сон. Повезло же ей работать в этом гиблом месте: смены выпадают преимущественно ночные, вот она и торчит тут за полночь. Кстати, устроиться сюда на работу оказалось непросто.

У Евы тогда ситуация сложилась не из легких – ее сократили из музея, где она работала искусствоведом, на горизонте маячил развод, и надо было как-то выживать и растить сына. И вот тогда, воспользовавшись советом и рекомендацией подруги Ляли (неугомонная Точкина, кажется, была знакома со всей Москвой), Ева пришла в этот ресторан «на кастинг». Собеседование проводила сама владелица ресторана – пожилая армянка Мариам. При этом персонал Мариам себе отбирала, как рабов на плантацию.

– Красивая какая, – неодобрительно заметила Мариам, оглядев Еву при первой встрече. – Небось, полная дура?!

Ева флегматично пожала плечами: вопрос, надо понимать, был риторический.

Мариам взглянула в резюме Евы:

– Такой взрослый сын! Во сколько ты его родила?

– В восемнадцать.

– Ладно, давай так: месяц – испытательный срок, – усмехнулась Мариам, – а там посмотрим, на что ты годишься.

...С тех пор прошло три года. Поначалу, конечно, было непросто, но ничего – справилась. Потом втянулась. От нечего делать стала учиться готовить. «Я же должна досконально знать, что у меня на кухне происходит!» Теперь Ева знает все блюда, соусы, десерты. Если понадобится – сама за шеф-повара встанет к плите.

С Мариам они, на удивление, друг к другу притерлись. Босс из Мариам, конечно, не подарочный вариант – резкая, требовательная, без сантиментов, но справедливая и щедрая. Мариам, кстати, зачастую ругает Еву за присущую той излишнюю мягкость и манеру «либеральничать» с персоналом и советует ей быть с сотрудниками «пожестче». При этом Ева и сама понимает, что жизнь вообще и люди в частности устроены странно – как только с кем-то начинаешь «либеральничать», человек тут же наглет и садится тебе на шею. А почему так, непонятно. Парадоксальная закономерность: чем с человеком лучше, тем он к тебе... задом.

Это как с Гавриловым, ее бывшим мужем. Уж она ему и так пыталась угодить, и этак: и обед из семи блюд накрывала чуть ли не в вечернем платье, и страстной любовницей в постели прикидывалась, и выставки с ним посещала, чтобы ему казаться интересной, и терпела, и молчала, а Гаврилов задом поворачивался. И пока она это поняла, прошло семь лет. Причем он наглет ровно пропорционально ее стараниям. Сначала она пыталась как-то разрешить эту закономерность, а потом ей надоело, и захотелось просто покончить со всем раз и навсегда, уже не пытаясь ни в чем разобраться.

Сейчас ее бывший муж потихоньку спивается. Еве его искренне жаль, и она желает ему только хорошего. В конце концов, о любом человеке можно вспомнить что-то доброе. Так и о Гаврилове – что-то ведь есть в их общем прошлом светлое и радостное. Например, когда они поженились, ее сын Ваня был совсем маленький, и Гаврилов много им занимался, относясь к нему как к своему сыну. Ваня от родного отца столько внимания не получал, как от отчима. За это она Гаврилову благодарна. Так посмотреть – Ева ему вообще за многое благодарна. Например, за то чувство терпения, которое он ей привил. Еве кажется, что уж после жизни с Гавриловым она все может вытерпеть.

...Все, смена закончена и можно идти домой.

Ева вышла в холодную ночь и тут же озябла. Ну что за город?! Зимняя Москва совсем не предназначена для жизни, здесь быть женщиной уж точно героизм. Еве зимой все время зябко и неудобно. Непонятно, какую одежду и обувь носить в этом суровом климате, под ледя-

ными ветрами?! Капроновые колготки или, упаси господи, чулки? Да вы что – так под юбку дунет, что скрючит в тот же день. А Ева терпит, мужественно отказавшись от толстых гамаш и бабулькиных рейтузов. Да, в нашенских широтах красота требует жертв, и, выбирая сапоги на шпильках, ты должна сознавать, что зимой в России каблуки – это повышенные риски, все равно что ехать на роликах.

С трудом балансируя на своих шпильках (только бы не свалиться!), Ева шла по обледенелым тротуарам в этом царстве вечной мерзлоты и думала, что ведь где-то есть теплые страны, яхты, красивые набережные, залитые солнцем, вдоль которых гордо прогуливаются женщины на высоченных каблуках?!

«Ну где-то же все это есть?!» – вздохнула Ева, поскользнувшись и больно ударившись об лед.

Сил едва хватило на то, чтобы на автопилоте доплестись до дома и принять душ. Потом она накрылась одеялом с головой и послала весь мир к такой-то матери. Ей хотелось спать, спать долго, лет этак сто, просыпаться только для того, чтобы выпить чая и снова проваливаться в сон.

* * *

О чем говорят женщины? О своей усталости.

Это самое то – похныкать подругам, пожаловаться на то, как ты устала, и встретить в ответ понимание и сочувствие. Потому что в чем-в чем, а в этом вопросе женщина всегда найдет понимание у другой женщины. Эта накопившаяся, хроническая усталость объединяет большинство женщин, мы все сестры по усталости. Раннее утро, на улице опять холодно и мерзко, ты не выспалась, а надо вставать и куда-то идти, и где-то там работать... И вот ты – невысокая, изящная или, наоборот, большая и толстая – сжимаешься и чувствуешь себя такой же слабой и беззащитной, как в детстве. Когда зима казалась бесконечной и по утрам так не хотелось вставать и идти в этот ненавистный детский сад или школу.

...С работы – домой, покачиваясь от усталости. А дома дети, муж, животные, и все они смотрят на тебя и чего-то ждут. И, в общем-то, это, конечно, счастье. Но труднодающееся счастье. Пополам с усталостью.

Ты устала... Да, ты ведь не конь педальный, а женщина! Но кому это интересно именно сейчас? В данный момент твоим домашним интересен сложносочиненный ужин, постиранное и выглаженное белье. С сыном надо сделать работу над ошибками по математике и проверить у него задания по французскому, кот требует еды (а еще он любит, чтобы у него в лотке было чисто!), у мужа вообще исключительно богатый райдер с запросами. И в этой дурной круговерти ты будешь кружиться до полуночи, пока не упадешь с ног от усталости.

Гаврилов, бывший муж Евы, однажды некстати заметил (он всегда все делал как-то некстати), что, возможно, Ева ничего не успевает потому, что не умеет планировать время.

«А вот есть такая наука о правильном планировании времени!» – загундел Гаврилов.

А Ева в этот момент, как раз очень кстати, держала в руках тяжелую сковороду, и хоть и не замечала раньше в себе особой кровожадности, вдруг захотела ударить Гаврилова этой сковородой по голове. И, видимо, было в ее взгляде что-то такое выразительное, отчего Гаврилов не стал развивать тему правильного планирования времени и заткнулся.

И вот: уроки, микстуры, кастрюли, рубашки... Наверное, если посчитать – уйма часов, а то и лет ее жизни ухнула в эту пропасть. Ну ладно... Вот станет она старой и можно будет «пожить для себя». Воспарить ненадолго в свободном полете – гордой, независимой, пусть даже с нагрянувшим радикулитом и морщинами! Хотя... На такую-то пенсию?!

* * *

Выспаться ей не удалось. Довольно скоро из кухни стал раздаваться шум. Ева взглянула на часы – ну да, конечно, уже одиннадцать! Вот скотина, когда он, интересно, в институт собирается?

Ева вышла на кухню. Ее сын Ваня сидел за столом и завтракал.

– Привет, ма! – улыбнулся Ваня. – Кофе сварить?

– Почему ты не в институте? – сочла возможным поинтересоваться Ева.

– Да брось ты, мать, – отмахнулся Ваня, – что я там забыл?

Ева возмутилась: хороший вопрос, особенно если учесть, что за его обучение платит она. Притом значительную часть своей зарплаты. Пора бы ей, что ли, характер проявить, к примеру, стукнуть кулаком, поставить вопрос ребром.

– Что за разговоры? – Она стукнула кулаком по столу что есть силы и больно ударила руку.

– Ты чего, ма? – растерялся сын. – Что-то случилось?

– Просто устала, – вздохнула Ева, – я вам не робот, а человек, между прочим, женщина! А ты вот в институт не ходишь, поганец! Запрешь сессию, и привет!

Ваня присел рядом и погладил ее руку:

– Мам, да перестань. Сессию я сдам, даже не сомневайся! Ну, хочешь, с завтрашнего дня вообще не буду прогуливать?

– Что за странный вопрос, Иван? Сколько тебе лет?

– Восемнадцать! – улыбнулся Ваня, – знаю-знаю, я уже взрослый мужчина, и вообще в этом возрасте у тебя уже был я!

– Прекрати! – сморщилась Ева.

Она терпеть не может, когда ей напоминают, что она родила сына в восемнадцать. Ева вообще не любит вспоминать о том времени.

После сделанного внушения Ваня резво побежал в институт. «Интересно, куда он теперь успеет, на последнюю пару разве что!» – усмехнулась Ева.

Она наблюдала из окна, как сын пересекает двор, и не могла насмотреться на своего Ивана, понимая, что ей, как матери, за этого высоченного красавца впору повесить на грудь знак качества – хорош! Ваня схитрил, от всех взял самое лучшее: большие голубые глаза от матери, атлетическое сложение и чувственные губы от отца. Должно быть, девушки сильно беспокоятся на его счет; правда, пока у Вани ничего серьезного, основное его время занимает учеба в институте, а свободное Ваня тратит на интернет, просиживая за компьютером часами.

Ева даже начала волноваться – парень запутался во всемирной паутине; а липкая паутина так просто не отпускает. К примеру, на днях Ева спросила у него: «Есть будешь?» В ответ молчание. «Иван, как дела в институте?» Ваня буркнет: «Нормально!», при этом смотрит мимо нее – в свой ноутбук. В итоге у Евы возникло устойчивое ощущение, что с некоторых пор вместо Вани в доме завелась потусторонняя сущность.

Ева пожаловалась подруге Ляле – так и так, мол, «мы его теряем».

– Парень приболел интернетом? Это нормально, это лечится! – утешила Ляля.

– Чем лечится?

– Как и все на свете – любовью. Подожди, мать, вот скоро парень влюбится, и его захватит реальная жизнь. А ты пока займись собой! Ева, ну, в самом деле... Сын вырос, давно пора подумать о себе. Надо тебя замуж выдать!

Услышав о замужестве, Ева поперхнулась.

Ляля покатила со смеху:

- Что, небось, своих мужей вспомнила?!
- Их забудешь, как же! – фыркнула Ева.

* * *

Своего первого мужа Ева встретила в семнадцать лет, сразу после окончания школы и поступления в институт культуры. В то лето довольная мать Евы (она считала, что высшее искусствоведческое образование весьма уместно дополнит Евины блестящие внешние данные), узнав о Евином зачислении, отправила дочь на пару недель в Петербург – отдохнуть и развеяться.

И на пути в Петербург, в поезде «Красная стрела», Ева неожиданно – нежданно встретила своего рокового демона-соблазнителя.

Сорокалетний Вадим – чиновник петербургской городской администрации – был красив, умен, галантен. Сердце девушки стучало, как колеса вагона, тем более, что ее попутчик по купе СВ не терялся – польстившись на девственные прелести вчерашней школьницы, бывалый ловелас пустил в ход все свое обаяние и опыт. Они проговорили до самого утра, а когда поезд прибыл в Петербург, Вадим взял девушку под опеку. Он дарил ей подарки, читал стихи, водил по ресторанам и театрам. Ева влюбилась в него без памяти. Их роман продолжился уже в Москве, куда Вадим наезжал в частые командировки.

Между страстями и нешуточными переживаниями Ева как-то умудрилась начать учебу в институте, но уже на первом курсе выяснилось, что она беременна.

Известие о беременности дочери для матери Евы стало шоком. Тщательно выстроенная ею концепция блестящего будущего дочери рушилась на глазах, и мать в сердцах сказала, что уж лучше бы Ева ее убила, чем сделалась матерью одиночкой в восемнадцать лет.

Вадим отказался жениться даже под изрядным напором Евиной матери и вскоре уехал – сбежал в длительную командировку за рубеж.

Беременность протекала с осложнениями, Еву мучил сильнейший токсикоз и головные боли. Метаморфозы, происходившие с ее телом, она воспринимала как нечто досадное и обременительное, и не могла дожидаться, когда снова станет свободной и обретет былую легкость. Она еще не вполне чувствовала этого ребенка и не думала о том, что вскоре ее жизнь изменится.

А потом родился Ванька. Когда этот хрупкий комочек принесли в первый раз на кормление, Ева жутко испугалась стихийно свалившейся ответственности и не знала, что делать с этим непонятно откуда взявшимся младенцем. Пожилая санитарка помогла, ободрила: «Ничего, мамочка, со временем научишься!» Молоко у Евы так и не появилось, хотя она что только не делала – пила чай литрами, сжимала грудь до посинения, а вот ничего не помогало.

После выписки из роддома Ева окунулась в новую реальность – с пеленками и бессонными ночами. Очевидно, что без помощи матери она бы не справилась с ребенком и с учебой в институте. По сути, настоящей матерью для Вани стала бабушка.

С Вадимом у Евы были какие-то странные отношения – гостиничные. Он приезжал в Москву на несколько дней, после чего возвращался в Петербург. Еве с ребенком переехать к нему Вадим не предлагал – его страшили быт, официальные узы, ответственность и проза жизни. Со временем его визиты становились все реже, а потом он вообще перестал появляться, сведя отцовский долг к выплате алиментов; алименты, впрочем, скоро стали весьма скромными, так как Вадима убрали с прежней административной должности, а на новой работе, с его слов, он зарабатывал в разы меньше. Об ту пору Ивану было два года. Ева бралась за любую работу – продавщицы, диспетчера, подрабатывала моделью на показах, а параллельно училась в институте.

Когда Ивану исполнилось четыре года, заболела и вскоре умерла Евина мать. Ева тогда высохла от горя и окончательно повзрослела.

По ночам она ревела в подушку, ей казалось, что жизнь кончена.

* * *

Вот и получается, что все эти годы она живет с чувством вины и просит у своей матери прощения за то, что у нее не сбылось, не случилось полноценного «женского счастья» (хотя знать бы еще в чем оно, это счастье...)

Скажем, подруга Евы, Лена, несокрушимо уверена в Евином счастье: «У тебя же есть сын!» Надо полагать, бездетная Лена знает, что говорит. Ева ей верит: «Да, я счастливая! Потому что у меня есть сын – смысл жизни, ее оправдание. Ну а с личной жизнью не сложилось...»

Хотя вскоре после расставания с Вадимом она встретила Гаврилова – свою вторую попытку в виде спорта, называемом замужеством (кстати, тоже неудачную). Вообще Гаврилов – это отдельная история под названием «Как Ева сходила замуж и как ей там не понравилось».

Глава 2

Ева встретила Гаврилова, когда Ване было пять.

Она подрабатывала моделью на показах одежды в доме мод, где Гаврилов оформлял декорации.

Однажды высокий, нескладный, но при этом богемный и стильный художник Гаврилов пригласил Еву в свою мастерскую. В тот вечер, под коньяк, Гаврилов со значением сообщил, что оформляет декорации в доме мод исключительно ради денег, но на самом деле его интересует настоящее искусство.

В финале вечера он предложил Еве позировать ему для картины. «Ведь вы, Ева, фантастическая красавица! Вылитая Бардо!»

В ответ фантастическая красавица честно призналась, что спешит домой, поскольку ее ждет маленький сын (лучше сразу сказать про ребенка – зачем морочить мужчине голову?!). Тогда Гаврилов заинтересовался, как насчет ресторана в выходные. Ева сказала, что это вряд ли, потому что она одинокая, замотанная жизнью мать-одиночка, и пусть он лучше поскорее устремится на поиски другой модели. Однако он, к ее удивлению, сложностей не испугался, и вскоре сделал ей предложение руки и сердца. Причем просил он ее руки у Вани. Евин сын, подкупленный конфетами и плюшевым медведем, ответил Гаврилову согласием.

Ева с Гавриловым зажили семейной жизнью, и поначалу все было вполне благополучно.

Ева работала в своем музее, Гаврилов устраивал выставки и пытался приобщить жену к богемной жизни. Честно говоря, Еве его картины не казались шедеврами. В их контексте она вспоминала анекдот про художника-абстракциониста, глядя на автопортрет которого и портрет его жены, кто угодно мог бы сочувственно вздохнуть: «Надеюсь, у вас нет детей?»

Увы, Ева абстракционизма вообще и творчества Гаврилова в частности не понимала. Возможно, это тоже сыграло свою роль в их будущем разладе – все-таки любому художнику важно, чтобы близкое окружение считало его талантливым.

Прошло два относительно безмятежных года их семейной жизни, и вдруг у Гаврилова что-то не заладилось в творческой жизни; закрыли одну его выставку, потом другую, а в чем искать утешение творческому человеку? Правильно, они все так и отвечают – на дне стакана. И стал Гаврилов попивать. Год он выпивал «в рамках приличия», потом стал переходить эти самые рамки, а вскоре вообще их задвинул. Надо сказать, что пьяный он делался дурак дураком, ревновал Еву, выяснял, с кем она была, почему задерживается по вечерам. В общем, совершенно как женщина, он мог устроить скандал из ничего.

На первых порах Ева терпеливо убеждала мужа, что на всем белом свете для нее существует только он, потом она подустала от его расспросов и лишь молчала в ответ; этим угрюмым молчанием, как знаком согласия, подтверждая худшие опасения мужа. В дни особенно сильного гнева Гаврилов предупреждал, что однажды его терпение лопнет, и он поучит ее уму-разуму; и точно – однажды попробовал поучить – кулаком в челюсть. Ева, не чувствуя в себе никакой виктимности и склонности к мазохизму, сказала гневливому супругу, что, если он еще раз поднимет на нее руку, подаст на развод.

Вследствие профессиональных неудач у Гаврилова наступил творческий кризис, и он забросил свои картины («Один хрен, эти кретины в живописи ничего не понимают!») Непризнанный гений целыми днями валялся на диване и читал книги. Еве пришлось полностью обеспечивать семью. Искусствовед Королёва пошла работать в ресторан.

– Ну какая эпоха Возрождения? – вздыхала Ева. – Вон мое Возрождение! – и кивала на Гаврилова с Ваней.

Увы – за искусство в их семье отвечал Гаврилов. А два человека искусства на одну семью – уже много.

«Ладно, потерплю, – думала Ева, – может, у человека сложный период, зачем его дергать?!»

Сложный период Гаврилова продолжался три года. Все это время семья жила на Евину зарплату. По вечерам, возвращаясь домой, измотанная Ева смотрела на лежащего на диване с книгой в руках Гаврилова и думала, что он за это время, вероятно, стал очень начитанным.

«Одинокий мужчина ищет любви, ласки, понимания и чего-нибудь пожрать» – это точно про ее Гаврилова. Да ладно бы хоть он просто лежал на диване, она бы терпела – ничего, держат же люди котов, например, лежит кот и спит, ну и что, что пользы нет, нельзя же все к пользе сводить. Но Гаврилов, когда с дивана вставал, делал всякие гадости: напивался, например, или качал права. А однажды Ева, вернувшись домой днем, застала его с полуголой девицей. Гаврилов пытался убедить Еву в том, что это его натурщица и что у них этюд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.